

ДАНИИЛ ХАРМС

Измерение
вещей

Собрание
сочинений
в трех
томах

Том 2

Собрание сочинений в трех томах

Даниил Хармс

**Собрание сочинений.
Том 2. Измерение вещей**

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Хармс Д. И.

Собрание сочинений. Том 2. Измерение вещей / Д. И. Хармс —
«Азбука-Аттикус», 2020 — (Собрание сочинений в трех томах)

ISBN 978-5-389-19332-1

Кто он, загадочный Даниил Хармс, – наивный гений, мастер эпатажа или лукавый мистификатор, тщательно скрывавший свою, как писал Маршак, «классическую основу»? Хармса, как одного из самых неординарных и парадоксальных писателей XX столетия, читают и изучают в России и за рубежом, однако и по сей день его работы остаются в числе самых удивительных загадок русской литературы. Бесспорным остается необыкновенный талант автора, а также его удивительная непохожесть – ничего подобного ни в России, ни за рубежом не было, нет и вряд ли когда-нибудь будет... Во второй том настоящего Собрания сочинений вошла проза Даниила Хармса. Тексты публикуются в соответствии с авторской орфографией и пунктуацией. Ранее настоящий том выходил под названием «Новая анатомия».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-19332-1

© Хармс Д. И., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Проза и сценки	6
1927	6
1. «Александр Иванович Дудкин: Вот уже 7 часов утра...»	6
1929	8
2. История Сдыгр Аппр	8
3. Вещь	13
4. «Елена Ивановна – Ну вот, Фадей Иванович, всё дожди...»	15
5. «На набережной нашей реки...»	16
6. «Тетерник, входя и здороваясь: Здравствуйте! Здравствуйте!...»	16
1930	17
7. «Иван Григорьевич Кантов шёл...»	17
8. Баронесса и Чернильница	17
9. «Едет трамвай. В трамвае едут 8 пассажиров...»	18
10. «Шёл трамвай, скрывая под видом двух фанарей жабу...»	19
11. «Мы лежали на кровати. Она к стенке на горке лежала...»	19
12. «Давайте посмотрим в окно: там увидем рельсы...»	19
13. «Бобров шёл по дороге и думал...»	20
14. «Иван Петрович Лундапундов хотел съесть яблоко...»	20
15. «Одна муха ударила в лоб бегущего мимо господина...»	21
16. «Некий инженер задался целью...»	23
1931	24
17. «Однажды Андрей Васильевич шёл по улице...»	24
18. «Как странно, как это невыразимо странно...»	25
Утро	25
20. «К одному из домов, расположенных...»	28
21. «Вот я сажу на стуле. А стул стоит на полу...»	28
Можно ли до Луны докинуть камнем	29
«В 2 часа дня на Невском...»	29
«Прежде, чем притти к тебе, я постучу в твоё окно...»	30
25. «Антон Гаврилович Немецкий бегаёт в халате по комнате...»	30
26. «Веля – Меня зовут Веля...»	30
27. «Иван Фёдорович пришёл домой...»	31
28. Пьеса для мужчины и женщины	31
29. «В одном городе, но я не скажу в каком...»	32
1932	33
«Я один. Каждый вечер Александр Иванович...»	33
1933	34
31. «Один монах вошёл в склеп к покойникам...»	34
32. «П<етр> М<ихайлович>: Вот этот цветок красиво...»	34
33. Объяснение в любви	37

34. «Вбегает Рябчиков с кофейником в руке...»	37
35. Пьеса	39
36. «Четыре немца ели свинину и пили зеленое пиво...»	40
37. «Гиммелькумов смотрел на девушку...»	40
38. «Герасим (входя и тот час же выходя)...»	41
39. «Дорогой Никандр Андреевич...»	41
40. Ссора	42
41. «В Америке жили два американца...»	42
Фома Бобров и его супруга	43
Бал	44
44. Скасска	47
45. «Воронин (вбегая)...»	48
46. «Мы жили в двух комнатах. Мой приятель...»	48
1934	50
47. Американский рассказ	50
48. «Мионов завернул в одеяло часы...»	50
49. «Андрей Иванович плюнул в чашку с водой...»	50
50. «Как известно, у Безименского очень тупое рыло...»	51
51. «Ольга Форш подошла к Алексею Толстому...»	51
52. «У дурака из воротника его рубашки торчала шея...»	51
53. О равновесии	51
54. О явлениях и существованиях	52
55. О явлениях и существованиях	53
56. Грехопадение или познание добра и зла	54
57. Экспромт	57
58. «Тут все начали говорить по-своему...»	57
59. Обезоруженный или Неудавшаяся любовь	58
60. «Маляр сел в люльку и сказал...»	58
61. «Я родился в камыше. Как мышь...»	60
62. «Американская улица. По улице ходят американцы...»	60
63. Хвастун Колпаков	62
64. Дуэт. Дербантова и Кукушин-Дергушин	63
65. «Старичок чесался обеими руками...»	63
Разница в росте мужа и жены	64
1935	65
67. История	65
68. Карьера Ивана Яковлевича Антонова	65
69. Праздник	66
70. Неожиданная попойка	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Даниил Хармс

Собрание сочинений.

Том 2. Измерение вещей

Проза и сценки

1927

1. «Александр Иванович Дудкин: Вот уже 7 часов утра...»

Александр Иванович Дудкин:

Вот уже 7 часов утра. Петухи давно пропели.

Почему я так рано проснулся?

Никогда со мной этого не бывало.

Но что это с моей головой? Она болит ужасно.

Пил я вчера? Нет не пил.

Почему же болит голова? Так ни с того ни с сего?

Никогда со мной этого не бывало.

Попробую скорее встать и умыться. Приятно освежить голову холодной водой.

Надо разбудить Пелагею, а то она думает, что я ещё сплю. Ведь надо же было проснуться в такую рань!

Эй Пелагея! (*стучит в стену*). Пелагея!

Пелагея!

Чертova баба! Дрыхнет бестолку. Нет возьму что-нибудь тяжелое сапог что ли и буду колотить в стену пока не проснется.

Черт возьми! где же сапоги?

Как же это понять? Ха ха ха. Пришел, снял их, поставил их тут, а теперь их нет.

Ого! Штаны тоже того! Так так так.

Да что я в самом деле! огурел что ли?

Никогда со мной этого не бывало!

Ну ладно, оставим это в покое. Давай мыслить.

У меня болит голова. Значит я очень рано встал. То есть у меня болит голова, значит я вчера что-то делал. Нет. Я очень рано встал. У меня болит голова. Значит я потерял сапоги.

Глупо!

Я потерял сапоги – значит у меня болит голова?

Тоже глупо!

Ну хорошо: у меня болит голова, значит я сапоги не потерял.

Но ведь я же их потерял!

Может так: у меня болит голова – значит я сапоги ни то и не это.

Хм.

Сложная штука!

Стук в дверь.

II

Дудкин – Кто там?

Голос – Да я, это я.

Дудкин – Кто? Петька?

Голос – Ну да, открой скорее!

Дудкин – Сейчас, сейчас. Подожди немного.

Голос – Скорей, скорей, такое расскажу, что ахнешь! Черт подери! такие вещи знаю...

Валаамов – Ты спишь еще?

Дудкин – А час какой, много?

Валаамов – Ссс... много?? К черту время! Ты дурак знаешь...

Дудкин – Что? – ...

...Ну?...

...– Что?

Валаамов – Ты, ты – вот ты самый богачом стал!

Дудкин – Ну?

Валаамов – Что ну?! Выиграл 200 000!

Дудкин – (*стоит молча, глядя на Валаамова*).

Валаамов – Что стоишь? Дурак. Одевайся, да бежим в банк.

Дудкин – Мне не во что одеться.

Валаамов – Как не во что одеться?

Дудкин – Я вчера пришел, положил все на стул и нет ничего.

Валаамов – А где же?

Дудкин – Я не знаю.

Валаамов – Вот, черт возьми, выиграл 200 000! Ну идем скорей!

Дудкин – Да во что же я оденусь?

Валаамов и Дудкин на авансцене.

Валаамов – Так пойдешь!

Дудкин – Так нехорошо!

Валаамов – Ну мой костюм одевай!

Дудкин – А ты в чем же?

Валаамов – А я в твоём пальто пойду!

Дудкин – Тогда уж лучше мне в пальто идти!

Валаамов – Все равно! Иди ты в твоём пальто.

Дудкин – А ты в своём костюме пойдешь?

Валаамов – А я в своём костюме.

Дудкин (*зашкаясь*)

<1927>

1929

2. История Сдыгр Аппр

Андрей Семенович: Здравствуй, Петя.

Петр Павлович: Здравствуй, здравствуй. Guten Morgen. Куда несет?

Андрей Семенович протянул руку Петру Павловичу, а Петр Павлович схватили руку Андрея Семеновича и так ее дернули, что Андрей Семенович остался без руки и с испугу кинулся бежать. Петр Павлович бежали за Андреем Семеновичем и кричали: «Я тебе, мерзавцу, руку оторвал, а вот, обожди, догоню, так и голову оторву!»

Андрей Семенович неожиданно сделал прыжок и перескочил канаву, а Петр Павлович не сумели перепрыгнуть канавы и остались по сию сторону.

Андрей Семенович: Что? Не догнал?

Петр Павлович: А это вот видел? (*И показали руку Андрея Семеновича.*)

Андрей Семенович: Это моя рука!

Петр Павлович: Да-с, рука ваша! Чем махать будете?

Андрей Семенович: Платочком.

Петр Павлович: Хорош, нечего сказать! Одну руку в карман сунул, а головы почесать нечем.

Андрей Семенович: Петя! Давай так: я тебе чего-нибудь дам, а ты мне мою руку отдай.

Петр Павлович: Нет, я руки тебе не отдам. Лучше и не проси. А вот, хочешь, пойдём к профессору Тартарелину, – он тебя вылечит.

Андрей Семенович прыгнул от радости и пошел к профессору Тартарелину.

Андрей Семенович: Многоуважаемый профессор, вылечите мою правую руку. Ее оторвал мой приятель Петр Павлович и обратно не отдает.

Петр Павлович стояли в прихожей профессора и демонически хохотали. Под мышкой у них была рука Андрея Семеновича, которую они держали презрительно, наподобие портфеля.

Осмотрев плечо Андрея Семеновича, профессор закурил трубку папиросу и вымолвил: – Это крупная ссадина.

Андрей Семенович: Простите, как вы сказали?

Профессор: Ссадина.

Андрей Семенович: Ссадина?

Профессор: Да, да, да. Шатина. Ша-тин-на!

Андрей Семенович: Хороша ссадина, когда и руки-то нет.

Из прихожей послышался смех.

Профессор: Ой! Кто там шмиется?

Андрей Семенович: Это так просто. Вы не обращайтесь внимания.

Профессор: Хо! Ш удовольсьвием. Хотите, что-нибудь почитаем?

Андрей Семенович: А вы меня полечите?

Профессор: Да, да, да. Почитаем, а потом я вас полечу. Садитесь.

(Оба садятся.)

Профессор: Хотите, я вам прочту свою науку?

Андрей Семенович: Пожалуйста! Очень интересно.

Профессор: Только я изложил ее в стихах.

Андрей Семенович: Это страшно интересно!

Профессор: Вот, хе-хе, я вам прочту отсюда досюда. Тут вот о внутренних органах, а тут уже о суставах.

Петр Павлович: *(входя в комнату)*

Здыгр аппр устр устр
Я несу чужую руку
Здыгр аппр устр устр
Где профессор Тартарелин?
Здыгр аппр устр устр
Где приемные часы?
Если эти побрякушки
С двумя гирями до полу
Эти часики старушки
пролетели парабблу
Здыгр аппр устр устр
Ход часов нарушен мною
им в замену карабистр
на подставке сдыгр аппр
с бесконечною рукою
приспособленной как стрелы
от минуты до другою
в путь несется погорелый
А под белым циферблатом
блин мотает устр устр
и закутанный халатом
восседает карабистр
он в приемные секунды
смотрит в двигатель размерен
чтобы время не гуляло
где профессор Тартарелин,
Где Андрей Семеныч здыгр
однорукий здыгр аппр
лечит здыгр аппр устр
приспосабливает руку
приколачивает пальцы
здыгр аппр прибывает
здыгр аппр устр бьет.

Профессор: Это вы искалечили гражданина, Петр Павлович?

Петр Павлович: Руку вырвал из манжеты.

Андрей Семенович: Бегал следом.

Профессор: Отвечайте!

Петр Павлович смеются.

Карабистр: Гвиндалея!

Петр Павлович: Карабистр!

Карабистр: Гвиндалан.

Профессор: Расскажите, как было дело.

Андрей Семенович:

Шел я по полю намедни
и внезапно вижу: Петя
мне навстречу идет спокойно
и меня как будто не заметя,
хочет мимо проскочить.
Я кричу ему: ах Петя!
Здравствуй, Петя, мой приятель,
ты, как видно, не заметил,
что иду навстречу я.

Петр Павлович:

Но господство обстоятельств
и скрещение событий
испокон веков донныне
нами правит, как детьми,
морит голодом в пустыне,
хлещет в комнате плетьюми.

Профессор: Так-так, – это понятно. Стечение обстоятельств. Это верно. Закон.

Тут вдруг Петр Павлович наклонился к профессору и откусили ему ухо. Андрей Семенович побежал за милиционером, а Петр Павлович бросили на пол руку Андрея Семеновича, положили на стол откушенное ухо профессора Тартарелина и незаметно ушли по чердачной лестнице.

Профессор лежал на полу и стонал:

– Ой-ой-ой-ой, как больно! – стонал профессор. – Моя рана горит и исходит соком. Где найдется такой сострадательный человек, который промоет мою рану и зальет ее коллодием?

Был чудный вечер. Высокие звезды, расположенные на небе установленными фигурами, светили вниз. Андрей Семенович, дыша полной грудью, тащил двух милиционеров к дому профессора Тартарелина. Помахивая своей единственной рукой, Андрей Семенович рассказывал о случившемся.

Милиционер спросил Андрея Семеновича:

– Как зовут этого проходимца?

Андрей Семенович не выдал своего товарища и даже не сказал его имени.

Тогда оба милиционера спросили Андрея Семеновича:

– Скажите нам, вы его давно знаете?

– С малых лет, когда я был еще вот таким, – сказал Андрей Семенович.

– А как он выглядит? – спросили милиционеры.

– Его характерной чертой является длинная черная борода, – сказал Андрей Семенович.

Милиционеры остановились, подтянули потуже свои кушаки и, открыв рты, запели протяжными ночными голосами:

Ах, как это интересно,
был приятель молодой,
а подрос когда приятель,
стал ходить он с бородой.

– Вы обладаете очень недурными голосами, разрешите поблагодарить вас, – сказал Андрей Семенович и протянул милиционерам пустой рукав, потому что руки не было.

– Мы можем и на научные темы поговорить, – сказали милиционеры хором.

Андрей Семенович махнул пустышкой.

– Земля имеет семь океянов, – начали милиционеры. – Научные физики изучали солнечные пятна и привели к заключению, что на планетах нет водорода, и там неуместно какое-либо сожительство.

В нашей атмосфере имеется такая точка, которую всякий центр зашибет.

Английский крематорий Альберт Эйнштейн изобрел такую махинацию, через которую всякая штука относительна.

– О, любезные милиционеры! – взмолился Андрей Семенович. – Бежимте скорее, а не то мой приятель окончательно убьет профессора Тартарелина.

Одного милиционера звали Володя, а другого Сережа. Володя схватил Сережу под руку, а Сережа схватил Андрея Семеновича за рукав и они все втроем побежали.

– Смотрите, три институтки бегут! – кричали им вслед извозчики. Один даже хватил Сережу кнутом по заднице.

– Постой! На обратном пути ты мне штраф заплатишь! – крикнул Сережа, не выпуская из рук Андрея Семеновича.

Добежав до дома профессора, все трое сказали:

– Тпррр! – и остановились.

– По лестнице, в третий этаж! – скомандовал Андрей Семенович.

– Нос! – крикнули милиционеры и кинулись по леснице. Моментально высадив плечом дверь, они ворвались в кабинет профессора Тартарелина.

Профессор Тартарелин сидел на полу, а жена профессора стояла перед ним на коленях и пришивала профессору ухо розовой шелковой ниточкой. Профессор держал в руках ножницы и вырезал платье на животе своей жены. Когда показался голый женин живот, профессор потер его ладонью и посмотрел в него, как в зеркало.

– Кудашьешь? Разве не видишь, что одно ухо выше другого получилось? – сказал сердито профессор.

Жена отпорола ухо и стала пришивать его заново.

Голый женский живот, как видно, развеселил профессора. Усы его ощетинились, а глазки заулыбались.

– Катенька, – сказал профессор, – брось пришивать ухо где-то сбоку, пришей мне его лучше к щеке.

Катенька, жена профессора Тартарелина, терпеливо отпорола ухо во второй раз и принялась пришивать его к щеке профессора.

– Ой, как щекотно! Ха-ха-ха! Как щекотно! – смеялся профессор. Но, вдруг, увидя стоящих на пороге милиционеров, замолчал и сделал серьезное лицо.

Милиционер Сережа: Где здесь пострадавший?

Милиционер Володя: Кому здесь ухо откусили?

Профессор (*поднимаясь на ноги*): Господа! Я человек, изучающий науку вот уже, слава богу, пятьдесят шесть лет, ни в какие другие дела не вмешиваюсь. Если вы думаете, что мне откусили ухо, то вы жестоко ошибаетесь. Как видите, у меня оба уха целы. Одно, правда, на щеке, но такова моя воля.

Милиционер Сережа: Действительно, верно, оба уха налицо.

Милиционер Володя: У моего двоюродного брата так брови росли под носом.

Милиционер Сережа: Не брови, а просто усы.

Карабистр: Фасфалакат!

Профессор: Приемные часы окончены.

Жена профессора: Пора спать.

Андрей Семенович (*входя*): Половина двенадцатого.

Милиционеры хором: Спокойной ночи.

Эхо: Спите сладко.

Профессор ложится на пол, остальные тоже ложатся и засыпают.

Сон

Тихо плещет океян
скалы грозные ду-ду
тихо светит океян
человек поет в дуду
тихо по морю бегут
страха белые слоны
рыбы скользкие поют
звезды падают с луны
домик слабенький стоит
двери настежь распахнул
печи теплые сулит
в доме дремлет караул
а на крыше спит старуха
на носу ее кривом
тихим ветром плещет ухо
дует волосы кругом
А на дереве кукушка
сквозь очки глядит на север
не гляди моя кукушка
не гляди всю ночь на север
там лишь ветер карабистр
время в цифрах бережет
там лишь ястреб здыгр устр
себе добычу стережет

Петр Павлович:

Кто-то тут впотьмах уснул,
шарю, чую: стол и стул
натываюсь на комод,
вижу древо бергамот,
я спешу, срываю груши,
что за дьявол! Это уши!
Я боюсь, бегу направо,
предо мной стоит дубрава.
я обратно так и сяк,
натываюсь на косяк,
ноги гнутся, тянут лечь,
думал: двери – это печь,
прыгнул влево – там кровать,
помогите!..

Профессор (*просытаясь*): Ать?

Андрей Семенович (*вскакивая*): Фоу! Ну и сон же видел, будто нам все уши пообрывали. (*Зажигает свет*)

Оказывается, что, пока все спали, приходили Петр Павлович и обрезали всем уши.

Замечание милиционера **Сережи**:

– Сон в руку.

Март – апрель 1929

3. Вещь

Мама, папа и прислуга по названию Наташа сидели за столом и пили.

Папа был несомненно забулдыга. Даже мама смотрела на него свысока. Но это не мешало папе быть очень хорошим человеком. Он очень добродушно смеялся и качался на стуле. Горничная Наташа, в наколке и передничке, все время невозможно стеснялась. Папа веселил всех своей бородой, но горничная Наташа конфузливо опускала глаза, изображая, что она стесняется.

Мама, высокая женщина с большой прической, говорила лошадиным голосом. Мамин голос трубил в столовой, отзываясь на дворе и в других комнатах.

Выпив по первой рюмочке, все на секунду замолчали и поели колбасы. Немного погодя все опять заговорили.

Вдруг, совершенно неожиданно, в дверь кто-то постучал. Ни папа, ни мама, ни горничная Наташа не могли догадаться, кто это стучит в двери.

– Как это странно, – сказал папа. – Кто бы там мог стучать в дверь?

Мама сделала соблезнувшее лицо и не в очередь налила себе вторую рюмочку, выпила и сказал:

– Странно.

Папа ничего не сказал плохого, но налил себе тоже рюмочку, выпил и встал из-за стола.

Ростом был папа невысок. Не в пример маме. Мама была высокой, полной женщиной с лошадиным голосом, а папа был просто ее супруг.

В добавление ко всему прочему папа был веснушат.

Он одним шагом подошел к двери и спросил:

– Кто там?

– Я, – сказал голос за дверью.

Тут же открылась дверь и вошла горничная Наташа, вся смущенная и розовая. Как цветок.

Как цветок.

Папа сел.

Мама выпила еще.

Горничная Наташа и другая, как цветок, зарделись от стыда. Папа посмотрел на них и ничего не сказал, а только выпил, также как и мама.

Чтобы заглушить неприятное жжение во рту, папа вскрыл банку консервов с раковым паштетом. Все были очень рады, ели до утра.

Но мама молчала, сидя на своем месте. Это было очень неприятно.

Когда папа собирался что-то спеть, стукнуло окно. Мама вскочила с испуга и закричала, что она ясно видит, как с улицы в окно кто-то заглянул. Другие уверяли маму, что это невозможно, так как их квартира в третьем этаже, и никто с улице в окно посмотреть не может, – для этого нужно быть великаном или Голиафом.

Но маме взбрела в голову крепкая мысль.

Ничто на свете не могло ее убедить, что в окно никто не смотрел.

Чтобы успокоить маму, ей налили еще одну рюмочку. Мама выпила рюмочку. Папа тоже налил себе и выпил.

Наташи и горничная, как цветок, сидели, попив глаза от конфуза.

– Не могу быть в хорошем настроении, когда на нас смотрят с улицы через окно, – кричала мама.

Папа был в отчаянии, не зная, как успокоить маму. Он сбегал даже во двор, пытаясь заглянуть оттуда хотя бы в окно второго этажа. Конечно, он не смог дотянуться. Но маму это нисколько не убедило. Мама даже не видела, как папа не мог дотянуться до окна всего лишь второго этажа.

Окончательно расстроенный всем этим, папа вихрем влетел в столовую и залпом выпил две рюмочки, налив рюмочку и маме. Мама выпила рюмочку, но сказала, что пьет только в знак того, что убеждена, что в окно кто-то посмотрел.

Папа даже руками развел.

– Вот, – сказал он маме и, подойдя к окну, растворил настежь обе рамы.

В окно попытался влезть какой-то человек в грязном воротничке и с ножом в руках. Увидя его папа захлопнул раму и сказал:

– Никого нет там.

Однако человек в грязном воротничке стоял за окном и смотрел в комнату и даже открыл окно и вошел.

Мама была страшно взволнованна. Она грохнулась в истерику, но, выпив немного предложенного ей папой и закусив грибочком, успокоилась.

Вскоре и папа пришел в себя. Все опять сели к столу и продолжали пить.

Папа достал газету и долго вертел ее в руках, ища, где верх и где низ. Но сколько он ни искал, так и не нашел, а потому отложил газету в сторону и выпил рюмочку.

– Хорошо, – сказал папа, – но не хватает огурцов.

Мама неприлично заржала, отчего горничные сильно сконфузились и принялись рассматривать узор на скатерти.

Папа выпил еще и вдруг, схватив маму, посадил ее на буфет.

У мамы взбилась седая пышная прическа, на лице проступили красные пятна, и, в общем, рожа была возбужденная.

Папа подтянул свои штаны и начал тост.

Но тут открылся в полу люк, и оттуда вылез монах.

Горничные так переконфузились, что одну начало рвать. Наташа держала свою подругу за лоб, стараясь скрыть безобразия.

Монах, который вылез из-под пола, прицелился кулаком в папино ухо, да как треснет!

Папа так и шлепнулся на стул, не окончив тоста.

Тогда монах подошел к маме и ударил ее как-то снизу, – не то рукой, не то ногой.

Мама принялась кричать и звать на помощь.

А монах схватил за шиворот обеих горничных и, помотав ими по воздуху, отпустил.

Потом, никем не замеченный, монах скрылся опять под пол и закрыл за собою люк.

Очень долго ни мама, ни папа, ни горничная Наташа не могли прийти в себя. Но потом, отдышавшись и приведя себя в порядок, они все выпили по рюмочке и сели за стол закусить шинкованной капусткой.

Выпив еще по рюмочке, все посидели, мирно беседуя.

Вдруг папа побагровел и принялся кричать.

– Что! Что! – кричал папа. – Вы считаете меня за мелочного человека! Вы смотрите на меня как на неудачника! Я вам не приживальщик! Сами вы негодяи!

Мама и горничная Наташа выбежали из столовой и заперлись на кухне.

– Пошел, забулдыга! Пошел, чертово копыто! – шептала мама в ужасе окончательно сконфуженной Наташе.

А папа сидел в столовой до утра и орал, пока не взял папку с делами, одел белую фуражку и скромно пошел на службу.

31 мая 1929

4. «Елена Ивановна – Ну вот, Фадей Иванович, всё дожди...»

Елена Ивановна – Ну вот, Фадей Иванович все дожди идут.

Папаша – Да не говорите Елена Ивановна, покосы гибнут.

Елена Ивановна – Хорошо нам под крышей сидеть, а вот какво если кто в поле? А?

Папаша – Плохо бездомному страннику,

Елена Ивановна – Вам ещё чаю налить?

Папаша – Плесни ещё полстаканчика.

(Пауза). (Папаша попил чаю и задремал.)

Елена Ивановна – И Ольга чего-то не пишет.

Папаша – *(Бормочет.)*

Елена Ивановна – Не пишет и не пишет.

Папаша – Как не пишет?

Елена Ивановна – Ольга, говорю, не пишет.

Папаша – То есть как Ольга?

Елена Ивановна – Да Ольга, что, ты не знаешь Ольгу?

Папаша – Ах, Ольга? Ну и что же она?

Елена Ивановна – Да вот, не пишет, говорю.

Папаша – Ай ай ай.

Рахтанов *(проходя)* – А Сергей сделал Ольге предложение. *(Уходит)*.

Елена Ивановна – Сергей, да что он! А она? *(Папаше)*. Слышал?

Папаша – Что?

Елена Ивановна – Сергей! Предложение!

Папаша – Ну а он?

Елена Ивановна – Ольге.

Папаша – Что не пишет?

Елена Ивановна – Вступить в брак.

Папаша – Ай ай ай.

Елена Ивановна – Какая пертурбация.

Рахтанов – Коля продал металлический диван. Вот.

Елена Ивановна – Постой, постой, как же это?

Папаша *(скоро)* – Ужасно, ужасно, какая катастрофа они продавили металлический диван.

Елена Ивановна – Вот доверь металлический диван, так тотчас и продавить норовят.

Рахтанов *(проходит и хлопает до и после)* – А Коля во вторник съел дом.

Елена Ивановна – Ну, так и есть. Он

<май 1929>

5. «На набережной нашей реки...»

На набережной нашей реки собралось очень много народу. В реке тонул командир полка Сепунов. Он захлебывался, выскакивал из воды по живот, кричал и опять тонул в воде. Руками он колотил во все стороны и опять кричал, чтоб его спасли.

Народ стоял на берегу и мрачно смотрел.

– Утонет, – сказал Кузьма.

– Ясно, что утонет, – подтвердил человек в картузе.

И действительно, командир полка утонул.

Народ начал расходиться.

<1–6 июня 1929>

6. «Тетерник, входя и здороваясь: Здравствуй! Здравствуй!...»

Тетерник (*входя и здороваясь*): Здравствуй! Здравствуй! Здравствуй! Здравствуй!

Камушков: Вы однако не очень точны. Мы ждем вас уже порядочно.

Грек: Да-да-да. Мы вас ожидаем.

Лампов: Ну говори, чего опоздал?

Тетерник (*смотря на часы*): Да разве я опоздал? Да, вообще-то есть... Ну ладно!

Камушков: Хорошо. Я продолжаю.

Грек: Да-да-да. Давайте, правда.

Все рассаживаются по своим местам и замолкают.

Камушков: Не говоря по несколько раз об одном и том же, скажу: мы должны выдумать название.

Грек и Лампов: Слышали!

Камушков (*передразнивая*): Слышали! Вот и нужно название выдумать. Грек!

(Грек встает.)

Камушков: Какое ты выдумал название?

Грек: Ныпырсытет.

Камушков: Не годится. Ну подумай сам – что же это за название такое? Не звучит, ничего не значит, глупое. – Да встань ты как следует! – Ну теперь говори: почему ты предложил это глупое название?

Грек: Да-да-да. Название, верно, не годится.

Камушков: Сам понимаешь. Садись. – Люди, надо выдумать хорошее название. Лампов! *(Лампов встает.)* Какое название ты предлагаешь?

Лампов: Предлагаю: «Краковяк». Или «Студень», или «Мой Савок». Что? не нравится? Ну тогда: «Вершина всего», «Глицириновый отец», «Мортира и свеча»...

Камушков (*махая руками*): Садись! Садись!..

26 декабря 1929 года

1930

7. «Иван Григорьевич Кантов шёл...»

Иван Григорьевич Кантов шёл, опираясь на палку и переступая важно, по-гусиному. Он шел по Гусеву переулку и нёс под мышкой гуся.

– Куда идёшь? – окликнул Ивана Григорьевича Пономарёв.

– Туда вот – сказал Иван Григорьевич Кантов.

– Можно и мне с тобой идти? – спросил Пономарёв.

– Можно, – сказал Иван Григорьевич Кантов.

Оба пришли на рынок.

Около рынка сидела собака и зевала.

– Посмотри, Кантов, какая собака, – сказал Пономарёв.

– Очень смешная, – сказал Кантов.

– Эй, собачка, пойдёшь сюда! – крикнул Пономарёв и поцокал зубами.

Собака перестала зевать и пошла к Пономарёву сначала обыкновенно, потом очень тихо, потом ползком, потом на животе, а потом перевернулась брюхом вверх и на спине подползла к Пономарёву.

– Очень скромная собачка, – сказал Пономарёв, – Я возьму её себе.

<Конец декабря 1929 – 2 января 1930>

8. Баронесса и Чернильница

Бобров (*указывая на Христофора Колумба*): Христофор Колумб.

Хр. Колумб (*указывая на Боброва*): Бобров.

Бобров: Если вас интересует моё воспитание, то я скажу. Я скажу.

Христофор Колумб: Да-да, скажите пожалуйста.

Бобров: Вот я и говорю. Что мне скрывать.

Христофор Колумб: Очень, очень интересно!

Бобров: Ну вот я скажу так: моё воспитание было какое? Приютское.

Христофор Колумб: Ах, пожалуйста, пожалуйста.

Бобров: Меня отец отдал в приют. А. (*держит рот открытым. Христофор становится на цыпочки и заглядывает в рот Боброву*).

Бобров: Впрочем, я торговец (*Христофор отскакивает*).

Христофор Колумб: Мне мне было интересно только посмотреть что у вас там... м...

М...

Бобров: Так-с. Я значит в приюте и влюбился в баронессу и в чернильницу.

Христофор Колумб: Неужели вы влюбились!

Бобров: Не мешай. Да влюбился!

Христофор Колумб: Чудеса.

Бобров: Не мешай. Да чудеса.

Христофор Колумб: Как это интересно.

Бобров: Не мешай. Да это интересно.

Христофор Колумб: Скажите пожалуйста!

Бобров: Если ты, Христофор Колумб, ещё что-нибудь скажешь...

Сцена быстро меняется.

Бобров сидит и ест суп.

Входит его жена в одной рубашке и с зонтом.

Бобров: Ты куда?

Жена: Туда.

Бобров: Куда туда?

Жена: Да вон туда.

Бобров: Туда или туда?

Жена: Нет, не туда, а туда.

Бобров: А что?

Жена: Как что?

Бобров: Куда ты идешь?

Жена: Я влюбилась в Баронессу и Чернильницу.

Бобров: Это хорошо.

Жена: Это хорошо, но вот Христофор Колумб засунул в нашу кухарку велосипед.

Бобров: Бедная кухарка.

Жена: Она бедная сидит на кухне и пишет в деревню письмо, а велосипед так и торчит из неё?

Бобров: Да-да. Вот это случай. Я помню, у нас в приюте в 1887 году был тоже. Был у нас учитель. Так мы ему натёрли лицо скипидаром и положили в кухне под стол.

Жена: Боже, да к чему же ты это говоришь?

Бобров: А то ещё был случай.

Выходит Колбасный человек.

<11–30 ноября 1930>

9. «Едет трамвай. В трамвае едут 8 пассажиров...»

Едет трамвай. В трамвае едут 8 пассажиров. Трое сидят: двое справа и один слева. А пятеро стоят и держатся за кожаные вешалки: двое стоят справа, а трое слева. Сидящие группы смотрят друг на друга, а стоящие стоят друг к другу спиной. Сбоку на скамейке стоит кондукторша. Она маленького роста и если бы она стояла на полу, ей бы не достать сигнальной верёвки. Трамвай едет и все качаются.

В окнах проплывают Биржевой мост, Нева и сундук. Трамвай останавливается, все падают вперёд и хором произносят: «Сукин сын!»

Кондукторша кричит: «Марсово поле!»

В трамвае входит новый пассажир, и громко говорит: «Продвиньтесь, пожалуйста!» Все стоят молча и неподвижно. «Продвиньтесь, пожалуйста!» – кричит новый пассажир. «Пройдите вперед, впереди свободно!» – кричит кондукторша. Впереди стоящий пассажир басом говорит, не поворачивая головы и продолжая глядеть в окно: «А куда тут продвинешься, что ли, на тот свет». **Новый пассажир:** «Разрешите пройти». Стоящие пассажиры лезут на колени сидящим и новый пассажир проходит по свободному трамваю до середины, где и останавливается. Остальные пассажиры опять занимают прежнее положение. Новый пассажир лезет в карман, достает кошелек, вынимает деньги и просит пассажиров передать деньги кондукторше. Кондукторша берёт деньги и возвращает обратно билет.

<Декабрь 1930>

10. «Шёл трамвай, скрывая под видом двух фонарей жабу...»

Шёл трамвай, скрывая под видом двух фонарей жабу. В нём всё приспособлено для сидения и стояния. Пусть безупречен будет его хвост и люди, сидящие в нём, и люди, идущие к выходу. Среди них попадают звери иного содержания. Также и те самцы, которым не хватило места в вагоне, лезут в другой вагон. Да ну их, впрочем, всех! Дело в том, что шёл дождик, но не понять сразу: не то дождик, не то странник. Разберём по отдельности: судя по тому, что если стоять в пиджаке, то спустя короткое время он промокнет и облипнет тело – шёл дождь. Но судя по тому, что если крикнуть: кто идёт? – открывалось окно в первом этаже, оттуда высывалась голова, принадлежащая кому угодно, только не человеку, постигше<му> истину, что вода освежает и облагораживает черты лица, – и свирепо отвечала: вот я тебя этим (с этими словами в окне показалось что-то похожее одновременно на кавалерийский сапог и на топор) дважды двину, так живо всё поймёшь! Судя по этому, шёл скорей странник, если не бродяга, во всяком случае такой где-то находился поблизости, может быть, за окном.

<1930>

11. «Мы лежали на кровати. Она к стенке на горке лежала...»

I.

Мы лежали на кровати. Она к стенке на горке лежала, а я к столику лежал. Обо мне можно сказать только два слова: торчат уши. Она знала всё.

II.

Вилка это? или ангел? или сто рублей? Нона это. Вилка мала. Ангел высок. Деньги давно кончились. А Нона – это она. Она одна Нона. Было шесть Нон, и она одна из них.

III.

Подошла собака в маленькой шапочке. Шаги раздавались и купались. Муха открывала окна. Давайте посмотрим в окно!

IV.

Нам в окне ничего не видать. Тебе что-нибудь видать? Мне ничего не видать, а тебе? Мне видать лыжи. А кто на лыжах? Солдат на лыжах, и ремень у него через плечо, а сам он не подпоясан.

1930

12. «Давайте посмотрим в окно: там увидем рельсы...»

Давайте посмотрим в окно: там увидим рельсы, идущие в одну и в другую сторону. По рельсам ходят трамваи. В трамваях сидят люди и считают по пальцам, сколько футов они проехали, ибо плата за проезд взимается по футам. Теперь посмотрим в трубу: там заметим небольшую лепёшечку, то светлую, то тёмную. Господа, это не лепёшечка, а шар.

В это время на дощечке стояли три предмета: графин, болид и человек в синем галстуке. Графин сказал: Господа же, посмотрим в мемецкую землю.

Где? – рухнул болид.

На том шаре, который виден в трубу, – сказал графин. Этот шар есть земля.

Человек: Я житель земли.

Болид: Я житель пространства.

Графин: А я житель рая.

Все три замолчали и мимо них никто не прошел, не проехал и не пролетел.

Графин сказал:

– О Че! О Чело! О Челоче! скажи мне как у вас живут? Что делают?

Человек сказал, открывая рот:

Я человек с Земли. Вы это все знаете. Я не мемец. Я сосед мемцев – я русский. Меня зовут Григорьев. Хотите я вам всё расскажу?

Из воды вышли три мужика и крикнули, топнув ногами:

Пожалуйста!

Человек начал:

Вот я прихожу в кооператив и говорю: дайте мне вон ту баночку с кильками. А мне говорят: Килек нет, это пустые банки. Я им говорю: Да что же это вы головы морочите. А они мне отвечают: Это не от нас. А от кого же? Это от недостатка продуктов, потому что весь парнокопытный скот угнали киргизы. А овощи есть? – спросил я. Нет и овощей. Раскупили. Молчи Григорьев.

Человек закончил:

Я Григорьев замолчал
С этих пор несую трубу
Я смотрю в неё смотрю
вижу дым грядущих труб.

всё.

1930

13. «Бобров шёл по дороге и думал...»

Бобров шёл по дороге и думал: почему, если в суп насыпать песку, то суп становится невкусным.

Вдруг он увидел, что на дороге сидит очень маленькая девочка, держит в руках червяка, и громко плачет.

– О чем ты плачешь? – спросил Бобров маленькую девочку.

– Я не плачу, а пою, – сказала маленькая девочка.

– А зачем же ты так поёшь? – спросил Бобров.

– Чтобы червяку весело было, – сказала девочка, – а зовут меня Наташа.

– Ах вот как? – удивился Бобров.

– Да, вот как, – сказала девочка, – до свидание, – вскочила на велосипед и уехала.

– Такая маленькая, а уже на велосипедах катается, – подумал Бобров.

<1930>

14. «Иван Петрович Лундапундов хотел съесть яблоко...»

Иван Петрович Лундапундов хотел съесть яблоко. Но яблоко выскользнуло из рук Ивана Петровича. Иван Петрович нагнулся, чтобы поднять яблоко, но что-то больно ударило Ивана Петровича по голове. Иван Петрович вскрикнул, поднял голову и увидел, что это было яблоко. Оно висело в воздухе.

Оказывается, кто-то приделал к потолку длинную нитку с крючком на конце. Яблоко зацепилось за крючок и не упало.

* * *

Морозов, Угрозов и Запоров пришли к Ивану Петровичу Лундапундову.

<1930>

15. «Одна муха ударила в лоб бегущего мимо господина...»

I

Одна муха ударила в лоб бегущего мимо господина, прошла сквозь его голову и вышла из затылка. Господин, по фамилии Дернятин, был весьма удивлен: ему показалось, что в его мозгах что-то просвистело, а на затылке лопнула кожица и стало щекотно. Дернятин остановился и подумал: «Что бы это значило? Ведь совершенно ясно я слышал в мозгах свист. Ничего такого мне в голову не приходило, чтобы я мог понять, в чем тут дело. Во всяком случае, ощущение редкостное, похожее на какую-то головную болезнь. Но больше об этом я думать не буду, а буду продолжать свой бег». С этими мыслями господин Дернятин побежал дальше, но как он ни бежал, того уже все-таки не получилось. На голубой дорожке Дернятин оступился ногой и едва не упал, пришлось даже помахать руками в воздухе. «Хорошо, что я не упал, – подумал Дернятин, – а то разбил бы свои очки и перестал бы видеть направление путей». Дальше Дернятин пошел шагом, опираясь на свою тросточку. Однако одна опасность следовала за другой. Дернятин запел какую-то песенку, чтобы рассеять свои нехорошие мысли. Песенка была веселой и звучной, такая, что Дернятин увлекся ей и забыл даже, что он идет по голубой дорожке, по которой в эти часы дня ездили другой раз автомобили с головокружительной быстротой. Голубая дорожка была очень узенькая, и отскочить в сторону от автомобиля было довольно трудно. Потому она считалась опасным путем. Осторожные люди всегда ходили по голубой дорожке с опаской, чтобы не умереть. Тут смерть поджидала пешехода на каждом шагу, то в виде автомобиля, то в виде ломовика, а то в виде телеги с каменным углем. Не успел Дернятин высморкаться, как на него катил огромный автомобиль. Дернятин крикнул: «Умираю!» – и прыгнул в сторону. Трава расступилась перед ним, и он упал в сырую канавку. Автомобиль с грохотом проехал мимо, подняв на крыше флаг бедственных положений. Люди в автомобиле были уверены, что Дернятин погиб, а потому сняли свои головные уборы и дальше ехали уже простоволосые. «Вы не заметили, под какие колеса попал этот странник, под передние или под задние?» – спросил господин, одетый в муфту, то есть не в муфту, а в башлык. «У меня, – говорил этот господин, – здорово застужены щеки и ушные мочки, а потому я хожу всегда в этом башлыке». Рядом с господином в автомобиле сидела дама, интересная своим ртом. «Я, – сказала дама, – волнуюсь, как бы нас не обвинили в убийстве этого путника». – «Что? Что?» – спросил господин, оттягивая с уха башлык. Дама повторила свое опасение. «Нет, – сказал господин в башлыке, – убийство карается только в тех случаях, когда убитый подобен тыкве. Мы же нет. Мы же нет. Мы не виноваты в смерти путника. Он сам крикнул: умираю! Мы только свидетели его внезапной смерти». Мадам Анэт улыбнулась интересным ртом и сказала про себя: «Антон Антонович, вы ловко выходите из беды». А господин Дернятин лежал в сырой канаве, вытянув свои руки и ноги. А автомобиль уже уехал. Уже Дернятин понял, что он умер. Смерть в виде автомобиля миновала его. Он встал, почистил рукавом свой костюм, послуня-

вил пальцы и пошел по голубой дорожке нагонять время. Время на девять с половиной минут убежало вперед, и Дернятин шел, нагоняя минуты.

Семья Рундадаров жила в доме у тихой реки Свиречки. Отец Рундадаров, Платон Ильич, любил знания высоких полетов: Математика, Тройная философия, География Эдема, книги Винтвивека, учение о смертных толчках и небесная иерархия Дионисия Ареопагита были любимейшие науки Платона Ильича. Двери дома Рундадаров были открыты всем странникам, посетившим святые точки нашей планеты. Рассказы о летающих холмах, приносимые оборванцами из Никитинской слободы, встречались в доме Рундадаров с оживлением и напряженным вниманием. Платоном Ильичом хранились длинные списки о деталях летания больших и малых холмов. Особенно отличался от всех иных взлетов взлет Капустинского холма. Как известно, Капустинский холм взлетел ночью, часов в 5, выворотив с корнем кедр. От места взлета к небу холм поднимался не по серповидному пути, как все прочие холмы, а по прямой линии, сделав маленькие колебания лишь на высоте 15–16 километров. И ветер, дующий в холм, пролетал сквозь него, не сгоняя его с пути. Будто холм кремневых пород потерял свойство непроницаемости. Сквозь холм, например, пролетела галка. Пролетела, как сквозь облако. Об этом утверждают несколько свидетелей. Это противоречило законам летающих холмов, но факт оставался фактом, и Платон Ильич занес его в список деталей Капустинского холма. Ежедневно у Рундадаров собирались почетные гости и обсуждались признаки законов алогической цепи. Среди почетных гостей были: профессор железных путей Михаил Иванович Дундуков, игумен Миринос II и плехаризиаст Стефан Дернятин. Гости собирались в нижней гостиной, садились за продолговатый стол, на стол ставилось обыкновенное корыто с водой. Гости, разговаривая, поплеывали в корыто: таков был обычай в семье Рундадаров. Сам Платон Ильич сидел с кнутиком. Время от времени он мочил его в воде и хлестал им по пустому стулу. Это называлось «шуметь инструментом». В девять часов появлялась жена Платона Ильича, Анна Маляевна, и вела гостей к столу. Гости ели жидкие и твердые блюда, потом подползали на четвереньках к Анне Маляевне, целовали ей ручку и садились пить чай. За чаем игумен Миринос II рассказывал случай, происшедший четырнадцать лет тому назад. Будто он, игумен, сидел как-то на ступеньках своего крыльца и кормил уток. Вдруг из дома вылетела муха, покружилась и ударила игумена в лоб. Ударила в лоб и прошла насквозь головы, и вышла из затылка, и улетела опять в дом. Игумен остался сидеть на крыльце с восхищенной улыбкой, что наконец-то воочию увидел чудо. Остальные гости, выслушав Мириноса II, ударили себя чайными ложками по губам и по кадыку в знак того, что вечер окончен. После разговор принимал фривольный характер. Анна Маляевна уходила из комнаты, а господин плехаризиаст Дернятин заговаривал на тему «Женщина и цветы». Бывало и так, что некоторые из гостей оставались ночевать. Тогда сдвигалось несколько шкапов, и на шкапы укладывали Мириноса II. Профессор Дундуков спал в столовой на рояле, а господин Дернятин ложился в кровать к рундадарской прислуге Маше. В большинстве же случаев гости расходились по домам. Платон Ильич сам запирает за ними дверь и шел к Анне Маляевне. По реке Свиречке плыли с песнями никитинские рыбаки. И под рыбацкие песни засыпала семья Рундадаров.

Глава II

Платон Ильич Рундадар застрял в дверях своей столовой. Он упёрся локтями в косяки, ногами врос в деревянный порог, глаза выкатил и стоял.

<1929–1930>

16. «Некий инженер задался целью...»

Некий инженер задался целью выстроить поперёк Петербурга огромную кирпичную стену. Он обдумывает, как это совершить, не спит ночами и рассуждает. Постепенно образуется кружок мыслителей-инженеров и вырабатывается план постройки стены. Стену решено строить ночью, да так, чтобы в одну ночь всё и построить, чтобы она явилась всем сюрпризом. Созываются рабочие. Идёт распределение. Городские власти отводятся в сторону, и наконец настает ночь, когда эта стена должна быть построена. О постройке стены известно только четырём человекам. Рабочие и инженеры получают точное распоряжение, где кому встать и что сделать. Благодаря точному расчёту, стену удаётся выстроить в одну ночь. На другой день в Петербурге переполох. И сам изобретатель стены в унынии. На что эту стену применить, он и сам не знал.

<1929–1930>

1931

17. «Однажды Андрей Васильевич шёл по улице...»

Однажды Андрей Васильевич шел по улице и потерял часы. Вскоре после этого он умер. Его отец, горбатый, пожилой человек целую ночь сидел в цилиндре и сжимал левой рукой тросточку с крючковой ручкой. Разные мысли посещали его голову, в том числе и такая: жизнь – это Кузница.

* * *

Отец Андрея Васильевича по имени Григорий Антонович, или вернее Василий Антонович, обнял Марию Михайловну и назвал ее своей владычицей. Она же молчала и с надеждой глядела вперед и вверх. И тут же паршивый горбун Василий Антонович решил уничтожить свой горб.

3

Для этой цели Василий Антонович сел в седло и приехал к профессору Мамаеву. Профессор Мамаев сидел в саду и читал книгу. На все просьбы Василия Антоновича профессор Мамаев отвечал одним словом: «Успеется.» Тогда Василий Антонович пошел и лег в хирургическое отделение.

4

Фельдшера и сестры милосердия положили Василия Антоновича на стол и покрыли простыней. Тут в комнату вошел сам профессор Мамаев. «Вас побрить?» – спросил профессор. «Нет, отрежьте мне мой горб», – сказал Василий Антонович.

Началась операция. Но кончилась она неудачно, потому что одна сестра милосердия покрыла свое лицо клетчатой тряпочкой и ничего не видела, и не могла подавать нужных инструментов. А фельдшер завязал себе рот и нос, и ему нечем было дышать, и к концу операции он задохнулся и упал замертво на пол. Но самое неприятное – это то, что профессор Мамаев второпях забыл снять с пациента простыню и отрезал ему вместо горба что-то другое, – кажется затылок. А горб только потыкал хирургическим инструментом.

* * *

Придя домой, Василий Антонович до тех пор не мог успокоиться, пока в дом не ворвались испанцы и не отрубили затылок кухарке Андрюшке.

* * *

Успокоившись, Василий Антонович пошел к другому доктору, и тот быстро отрезал ему горб.

* * *

Потом все пошло очень просто. Мария Ивановна развелась с Василием Антоновичем и вышла замуж за Бубнова.

* * *

Бубнов не любил своей новой жены. Как только она уходила из дома, Бубнов покупал себе новую шляпу и все время здоровался со своей соседкой Анной Моисеевной. Но вдруг у Анны Моисеевны сломался один зуб, и она от боли широко открыла рот. Бубнов задумался о своей биографии.

* * *

Отец Бубнова, по имени Фы, полюбил мать Бубнова, по имени Хню. Однажды Хню сидела на плите и собирала грибы, которые росли около нее. Но он неожиданно сказал так:

– Хню, я хочу, чтобы у нас родился Бубнов.

Хню спросила:

– Бубнов? Да, да?

– Точно так, ваше сиятельство, – ответил Фы.

* * *

Хню и Фы сели рядом и стали думать о разных смешных вещах и очень долго смеялись.

* * *

Наконец, у Хню родился Бубнов.

<Вторая пол. марта 1931>

18. «Как странно, как это невыразимо странно...»

Как странно, как это невыразимо странно, что за стеной, вот этой стеной, на полу сидит человек, вытянув длинные ноги в рыжих сапогах и со злым лицом.

Стоит только пробить в стене дырку и посмотреть в неё и сразу будет видно, как сидит этот злой человек.

Но не надо думать о нём. Что он такое? Не есть ли он частица мертвой жизни, залетевшая к нам из воображаемых пустот? Кто бы он ни был, Бог с ним.

22 июня 1931 года

Утро

Да, сегодня я видел сон о собаке.

Она лизала камень, а потом побежала к реке и стала смотреть в воду.

Она там видела что-нибудь?

Зачем она смотрит в воду?

Я закурил папиросу. Осталось ещё только две.

Я выкурю их, и больше у меня нет.

И денег нет.

Где я буду сегодня обедать?

Утром я могу выпить чай: у меня есть ещё сахар и булка. Но папирос уже не будет. И обедать негде.

Надо скорее вставать. Уже половина третьего.

Я закурил вторую папиросу и стал думать, как бы мне сегодня пообедать.

Фома в семь часов обедает в Доме Печати. Если придти в Дом Печати ровно в семь часов, встретить там Фому и сказать ему: «Слушай, Фома Антоныч, я хотел бы, чтобы ты накормил меня сегодня обедом. Я должен был получить сегодня деньги, но в сберегательной кассе нет денег». Можно занять десятку у профессора. Но профессор, пожалуй, скажет: «Помилуйте, я вам должен, а вы занимаете. Но сейчас у меня нет десяти. Я могу дать вам только три». Или нет, профессор скажет: «У меня сейчас нет ни копейки». Или нет, профессор скажет не так, а так: «Вот вам рубль, и больше я вам ничего не дам. Ступайте и купите себе спичек».

Я докурил папиросу и начал одеваться.

Звонил Володя. Татьяна Александровна сказала про меня, что она не может понять, что во мне от Бога и что от дурака.

Я надел сапоги. На правом сапоге отлетает подметка.

Сегодня воскресенье.

Я иду по Литейному мимо книжных магазинов. Вчера я просил о чуде.

Да-да, вот если бы сейчас произошло чудо.

Начинает идти полу снег полу дождь. Я останавливаюсь у книжного магазина и смотрю на витрину. Я прочитываю десять названий книг и сейчас же их забываю.

Я лезу в карман за папиросами, но вспоминаю, что у меня их больше нет.

Я делаю надменное лицо и быстро иду к Невскому, постукивая тросточкой.

Дом на углу Невского красится в отвратительную желтую краску.

Приходится свернуть на дорогу. Меня толкают встречные люди. Они все недавно приехали из деревень и не умеют ещё ходить по улицам. Очень трудно отличить их грязные костюмы и лица. Они топчутся во все стороны, рычат и толкаются.

Толкнув нечаянно друг друга, они не говорят «простите», а кричат друг другу бранные слова.

На Невском страшная толчея на панелях. На дороге же довольно тихо.

Изредка проезжают грузовики и грязные легковые автомобили.

Трамваи ходят переполненные. Люди висят на подножках. В трамвае всегда стоит ругань. Все говорят друг другу «ты». Когда открывается дверца, то из вагона на площадку веет теплый и вонючий воздух. Люди вскакивают и соскакивают в трамвай на ходу. Но этого делать ещё не умеют, и скачут задом наперед. Часто кто-нибудь срывается и с ревом и руганью летит под трамвайные колеса. Милиционеры свистят в свисточки, останавливают вагоны и штрафуют прыгнувших на ходу. Но как только трамвай трогается, бегут новые люди и скачут на ходу, хватаясь левой рукой за поручни.

Сегодня я проснулся в два часа дня. Я лежал на кровати до трех, не в силах встать. Я обдумывал свой сон: почему собака посмотрела в реку и что она там увидела. Я уверял себя, что это очень важно – обдумать сон до конца. Ноя не мог вспомнить, что я видел дальше во сне, и я начинал думать о другом.

Вчера вечером я сидел за столом и много курил. Передо мной лежала бумага, чтобы написать что-то. Но я не знал, что мне надо написать. Я даже не знал, должны быть это стихи, или рассказ, или рассуждение. Я ничего не написал и лег спать. Но я долго не спал. Мне хотелось узнать, что я должен был написать. Я перечислял в уме все виды словесного искусства, но я не узнал своего вида. Это могло быть одно слово, а может быть, я должен был написать целую книгу. Я просил Бога о чуде, чтобы я понял, что мне нужно написать. Но мне начинало хотеться курить. У меня оставалось всего четыре папиросы. Хорошо бы хоть две, нет, три оставить на утро.

Я сел на кровать и закурил.

Я просил Бога о каком-то чуде.

Да-да, надо чудо. Все равно какое чудо.

Я зажег лампу и посмотрел вокруг. Все было по-прежнему.

Но ничего и не должно было измениться в моей комнате.

Должно измениться что-то во мне.

Я взглянул на часы. Три часа семь минут. Значит, спать я должен по крайней мере до половины двенадцатого. Скорей спать!

Я потушил лампу и лег.

Нет, я должен лечь на левый бок.

Я лег на левый бок и стал засыпать.

Я смотрю в окно и вижу, как дворник метет улицу.

Я стою рядом с дворником и говорю ему, что, прежде, чем написать что-либо, надо знать слова, которые надо написать.

По моей ноге скачет блоха.

Я лежу лицом на подушке с закрытыми глазами и стараюсь заснуть. Но слышу, как скачет блоха, и слежу за ней. Если я шевельнусь, я потеряю сон.

Но вот я должен поднять руку и пальцем коснуться лба. Я поднимаю руку и касаюсь пальцем лба. И сон прошел.

Мне хочется перевернуться на правый бок, но я должен лежать на левом.

Теперь блоха ходит по спине. Сейчас она укусит.

Я говорю: Ох, ох.

Закрытыми глазами я вижу, как блоха скачет по простыне, забирается в складочку и там сидит смирно, как собачка.

Я вижу всю мою комнату, но не сбоку, не сверху, а всю сразу, зараз. Все предметы оранжевые.

Я не могу заснуть. Я стараюсь ни о чем не думать. Я вспоминаю, что это невозможно, и стараюсь не напрягать мысли. Пусть думается о чем угодно. Вот я думаю об огромной ложке и вспоминаю басню о татарине, который видел во сне кисель, но забыл взять в сон ложку. А потом увидел ложку, но забыл... забыл... забыл... Это я забыл, о чем я думал. Уж не сплю ли я? Я открыл для проверки глаза.

Теперь я проснулся. Как жаль, ведь я уже засыпал и забыл, что это мне так нужно. Я должен снова стараться заснуть. Сколько усилий пропало зря. Я зевнул.

Мне стало лень засыпать.

Я вижу перед собой печку. В темноте она выглядит темно-зеленой. Я закрываю глаза. Но печку видеть продолжаю. Она совершенно темно-зеленая. И все предметы в комнате темно-зеленые. Глаза у меня закрыты, но я моргаю, не открывая глаз.

«Человек продолжает моргать с закрытыми глазами, – думаю я. – Только спящий не моргает».

Я вижу свою комнату и вижу себя, лежащего на кровати. Я покрыт одеялом почти с головой. Едва только торчит лицо.

В комнате всё серого тона.

Это не цвет, это только схема цвета. Вещи загрунтованы для красок. Но краски сняты. Но эта скатерть на столе хоть и серая, а видно, что она на самом деле голубая. И этот карандаш хоть и серый, а на самом деле он желтый.

– Заснул, – слышу я голос.

25 октября 1931 года, воскресенье

20. «К одному из домов, расположенных...»

К одному из домов, расположенных на одной из обыкновенных Ленинградских улиц, подошёл обыкновенный с виду молодой человек, в обыкновенном чёрном двубортном пиджаке, простом синем вязаном галстуке и маленькой фетровой шапочке коричневого цвета. Ничего особенного в этом молодом человеке не было, разве только то, что плечи его были немного узки, а ноги немного длинны, да курил он не папиросу, а трубку; и даже девицы, стоявшие под воротней, сказали ему вслед: «тоже американец!» Но молодой человек сделал вид, что не слышал этого замечания и спокойно вошёл в подъезд. Войдя в подъезд, он сунул трубку в карман, снял с головы шапочку, но сейчас же надел её опять, потом вошёл по лестнице, шагая через две ступеньки, на третий этаж. Тут он подошёл у двери, на которой висела бумажка, а на бумажке было написано жирными печатными буквами: «Яков Иванович 8итон». Буквы были нарисованы чёрной тушью, очень тщательно, но расположены были криво. И слово 8итон начиналось не с буквы Ф, а с 8иты, которая была похожа на колесо с одной перекладиной.

Молодой человек подошёл к двери совсем вплотную, так, что коснулся её коленями, вынул французский ключ и отпер им замок. Из квартиры послышался визгливый собачий лай, но когда молодой человек вошёл в прихожую, к нему подбежали две маленькие черные собачки, и ткнувшись носами в его ноги, замолчали и весело убежали по коридору. Молодой человек молча прошёл в свою комнату, на дверях которой было также написано: «Яков Иванович 8итон».

Молодой человек закрыл за собой дверь, повесил шляпу на крюк и сел в кресло возле стола. Немного погодя он закурил трубку и принялся читать какую-то книгу. Потом он сел за стол, на котором лежали записные книжки и листы чистой бумаги, стояла высокая лампа с зелёным абажуром, подносик с различными чернильницами, хрустальный стакан с карандашами и перьями и круглая деревянная пепельница. Так, ничего не делая, он просидел за столом часа три и даже по лицу не было видно, чтобы он о чём-нибудь думал. Часов в двенадцать он лёг спать. В кровати он ещё с час перелистывал какую-то книгу, а потом отложил её в сторону и потушил свет.

На другой день Яков Иванович проснулся в 10 часов. Рядом с кроватью, на стуле стоял телефон и звонил. Яков Иванович взял трубку.

– Я слушаю, – сказал Яков Иванович. – Здравствуйте, Вера Никитишна. Спасибо, что вы меня разбудили...

<1931>

21. «Вот я сижу на стуле. А стул стоит на полу...»

Вот я сижу на стуле. А стул стоит на полу. А пол приделан к дому. А дом стоит на земле. А земля тянется во все стороны, и направо, и налево, и вперед и назад. А кончается она где-нибудь?

Ведь не может же быть, чтоб нигде не кончалась! Обязательно где-нибудь да кончается! А дальше что? Вода? А земля по воде плавает? Так раньше люди и думали. И думали, что там, где вода кончается, там она вместе с небом сходится.

И действительно, если встать на пароходе в море, где ничего не мешает кругом смотреть, то так и кажется, что где-то очень далеко небо опускается вниз и сходится с водою.

А небо казалось людям большим твёрдым куполом, сделанным из чего-то прозрачного, вроде стекла. Но тогда ещё стекла не знали и говорили, что небо сделано из хрусталя. И называли небо твердью, И думали люди, что небо или твердь есть самое прочное, самое неизменное. Всё может измениться, а твердь не изменится. И до сих пор, когда мы хотим сказать про что-нибудь, что не должно меняться, мы говорим: это надо утвердить.

И видели люди, как по небу движутся солнце и луна, а звёзды стоят неподвижно. Стали люди к звездам внимательнее приглядываться и заметили, что звёзды расположены на небе фигурами. Вот семь звезд расположены в виде кастрюли с ручкой, вот три звезды прямо одна за другой стоят как по линейке. Научились люди одну звезду от другой отличать и увидели, что звезды тоже движутся, но только все зараз, будто они к небу прикреплены и вместе с самим небом движутся. И решили люди, что небо вокруг земли вертится.

Разделили тогда люди всё небо на отдельные звёздные фигуры и каждую фигуру назвали созвездием и каждому созвездию своё имя дали.

Но только видят люди, что не все звезды вместе с небом двигаются, а есть и такие, которые между другими звездами блуждают. И называли люди такие звезды планетами.

<1931>

Можно ли до Луны докинуть камнем

Была страшно тёмная ночь. Звёзды, правда, сияли, да не светили. Ничего нельзя было разглядеть. Может быть, тут рядом дерево стоит, а может быть, лев, а может быть, слон, а может быть, и ничего нет. Но вот взошла луна и стало светло. Тогда стало возможным разглядеть скалу, а в скале пещеру, а налево поле, а направо речку, а за речкой лес.

Из пещеры вылезли на четверинках две обезьяны, потом поднялись, встали на задние ноги и пошли валкой походкой, размахивая длинными руками.

<1931>

«В 2 часа дня на Невском...»

В 2 часа дня на Невском проспекте или, вернее, на проспекте 25-го Октября ничего особенного не случилось. Нет-нет, тот человек возле «Колизея» остановился просто случайно. Может быть, у него развязался сапог или, может быть, он хочет закурить. Или нет, совсем не то! Он просто приехал и не знает куда идти. Но где же его вещи? Да нет, постойте, вот он поднимает зачем-то голову, будто хочет посмотреть в третий этаж, даже в четвертый, даже в пятый. Нет, смотрите, он просто чихнул и теперь идет дальше. Он немножечко сутул и держит плечи приподнятыми. Его зеленое пальто раздувается от ветра. Вот он свернул на Надеждинскую и пропал за углом.

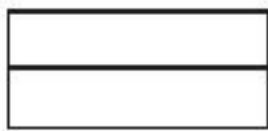
Восточный человек, чистильщик сапог, посмотрел ему вслед и разгладил рукой свои пышные черные усы.

Его пальто длинное, плотное, сиреневого цвета не то в клетку, не то в полоску, не то, черт подери, в горошину.

<1931>

«Прежде, чем притти к тебе, я постучу в твоё окно...»

Прежде чем притти к тебе, я постучу в твоё окно. Ты увидишь меня в окне. Потом я войду в дверь, и ты увидишь меня в дверях. Потом я войду в твой дом, и ты узнаешь меня. И я войду в тебя, и никто, кроме тебя, не увидит и не узнает меня.

Ты увидишь меня в окне.

Ты увидишь меня в дверях.

<1931>

25. «Антон Гаврилович Немецкий бегаёт в халате по комнате...»

Антон Гаврилович Немецкий бегаёт в халате по комнате. Он размахивает коробочкой, показывает на нее пальцем и очень, очень рад.

Антон Гаврилович звонит в колокольчик, входит слуга и приносит кадку с землей.

Антон Гаврилович достает из коробочки боб и сажает его в кадку. Сам же Антон Гаврилович делает руками замечательные движения. Из кадки растет дерево.

<1931>

26. «Веля – Меня зовут Веля...»

Веля – Меня зовут Веля.

Мркоков – Подожди, это ли надо было сказать?

Веля – Сядем сядем и подумаем.

(*Мркоков садится и Веля садится*).

Мркоков – Ну?

Веля – Ты ел сегодня труху?

Мркоков – Я очень обижен. Почему я должен есть труху?

Веля – Я не то хотела сказать. Я хотела сказать: ты видел сегодня паходу?

Мркоков – Как можешь ты так говорить. Ты знаешь ведь, что я редька.

Веля – Редька Мркоков. Вот это странно.

Мркоков —

Я был сегодня в магазине

там было много огурцов
они лежали все в корзине
и только восемь на полу
Я сосчитал их было восемь
и два приказчика
Ты веришь или нет?

<1930–1931>

27. «Иван Фёдорович пришёл домой...»

Иван Фёдорович пришёл домой. Дома ещё никого не было. Кот по имени Селиван сидел в прихожей на полу и что-то ел.

– Ты что это ешь? – спросил кота Иван Фёдорович. Кот посмотрел на Ивана Фёдоровича, потом на дверь, потом в сторону и взяв что-то невидное с полу начал опять есть.

Иван Фёдорович прошёл на кухню мыть руки. В кухне на плите лежала маленькая чёрненькая собачка по имени Кепка. Иван Фёдорович любил удивить людей и некоторые вещи делал шиворот на выворот. Он нарочно приучил кота Селивана сидеть в прихожей, а собаку Кепку лежать на плите.

– Что Кепка? Лежишь? – сказал Иван Фёдорович, намывлив руки. Кепка на всякий случай села и оскалила правый клык, что означало улыбку.

<1930–1931>

28. Пьеса для мужчины и женщины

Выходит Ж., постояла и ушла.

Выходит М. постоял и ушел.

Выходит Ж. постояла и ушла.

Выходит Ж. со стороны М.

Ж. (монолог):

Люблю цветы искать на речке
плыть мимо хижин, спать в траве.
Я жду мужчину. Он в косоворотке.
Он в колечке.
Он ходит весь на рукаве.
Он живет на горе.
Мы скорей на пароходе
в Амстердам
в Амстердам
к брату милому Володе
которого нету там,
он за мною в сапогах
я в косынке от него
ахах ахах!
вы не знаете всего.

М. (*входит*): бабушка

<1930–1931>

29. «В одном городе, но я не скажу в каком...»

В одном городе, но я не скажу в каком, жил человек, звали его Фома Петрович Пепермалдеев. Роста он был обыкновенного, одевался просто и незаметно, большей частью ходил в серой толстовке и темно-синих брюках, на носу носил круглые металлические очки, волосы зачёсывал на пробор, усы и бороду брил и в общем был человеком совершенно незаметным.

Я даже не знаю, чем он занимался: то ли служил где-то на почте, то ли работал кем-то на лесопильном заводе. Знаю только, что каждый день он возвращался домой в половине шестого и ложился на диван отдохнуть и поспать часок. Потом вставал, кипятил в электрическом чайнике воду и садился пить чай с пшеничным хлебцем.

<1930–1931>

1932

«Я один. Каждый вечер Александр Иванович...»

Я один. Каждый вечер Александр Иванович куда-нибудь уходит, и я остаюсь один. Хозяйка ложится рано спать и запирает свою комнату. Соседи спят за четырьмя дверями, и только я один сижу в своей маленькой комнатке и жгу керосиновую лампу.

Я ничего не делаю: собачий страх находит на меня. Эти дни я сижу дома, потому что я простудился и получил грипп. Вот уже неделю держится небольшая температура и болит поясница.

Но почему болит поясница, почему неделю держится температура, чем я болен, и что мне надо делать? Я думаю об этом, прислушиваюсь к своему телу и начинаю пугаться. От страха сердце начинает дрожать, ноги холодеют, и страх хватает меня за затылок. Я только теперь понял, что это значит. Затылок сдавливают снизу, и кажется: еще немного и сдавят всю голову сверху, тогда утеряется способность отмечать свои состояния, и ты сойдешь с ума. Во всем теле начинается слабость, и начинается она с ног. И вдруг мелькает мысль: а что, если это не от страха, а страх от этого. Тогда становится еще страшнее. Мне даже не удастся отвлечь мысли в сторону. Я пробую читать. Но то, что я читаю, становится вдруг прозрачным, и я опять вижу свой страх. Хоть бы Александр Иванович пришел скорее! Но раньше, чем через два часа, его ждать нечего. Сейчас он гуляет с Еленой Петровной и объясняет ей свои взгляды на любовь.

<1932>

1933

31. «Один монах вошёл в склеп к покойникам...»

Один монах вошёл в склеп к покойникам и крикнул: «Христос воскрес!» А они ему все хором: «Воистину воскрес!»

<январь 1933>

32. «П<етр> М<ихайлович>: Вот этот цветок красиво...»

П<етр> М<ихайлович>: Вот этот цветок красиво поставить сюда. Или, может быть, лучше так? Нет, так, пожалуй, уж очень пёстро. А если потушить эту лампу, а зажечь ту? Так уж лучше. Теперь сюда положим дорожку, сюда поставим бутылку, тут рюмки, тут вазочка, тут судочек, тут баночка, а тут хлеб. Очень красиво. Она любит покушать. Теперь надо рассчитывать так, чтобы только одно место было удобно. Она туда и сядет. А я сяду как можно ближе. Вот поставлю себе тут вот этот стул. Выйдет, что мне больше некуда сесть, и я окажусь рядом с ней. Я встречу её будто накрываю на стол и не успел расставить стулья. Все выйдет очень естественно. А потом, когда я окажусь рядом с ней, я скажу: «Как хорошо сидеть с вами». Она скажет: «Ну чего же тут хорошего?» Я скажу: «Знаете, мне просто с вами лучше всего. Я, кажется, немножко влюбился в вас». Она скажет... Или нет, она просто смутится и покраснеет или опустит голову. А я, с этого места, наклонюсь к ней и скажу: «Вы знаете, я просто влюбился в вас. Простите меня». Если она опять промолчит, я склонюсь к ней ещё ближе... Лучше бы конечно пересесть к ней на диванчик. Но это может её испугать. Придется со стула. Вот не знаю, дотянусь ли? Если она будет сидеть прямо, то, пожалуй, дотянусь, но если она отклонится к стенке, то, пожалуй, не дотянусь. Я ей скажу: «Мария Ивановна, вы разрешаете мне влюбиться в вас?» – нет, это глупо! Я лучше так скажу: «Мария Ивановна! Хорошо ли, что наша дружба перешла вон во что!» Нет, так тоже не годится! Вообще надо её поцеловать, но сделать это надо постепенно. Неожиданно нельзя.

(Входит Илья Семёнович)

Ил. Сем.: Петя, к тебе сегодня никто не придет?

Петр Михайлович: Нет, придет, дядя.

Ил. Сем.: Кто?

П. М.: Одна знакомая дама.

Ил. Сем.: А я шел сейчас по улице и думал, что бы если у людей на голове вместо волос росла бы медная проволока?

П. М.: А зачем, дядя?

Ил. Сем.: А здорово было бы! Ты представь себе, на голове вместо волос яркая медная проволока! Ты знаешь, тебе это было бы очень к лицу. Только не тонкая проволока, а толстая. Толще звонковой. А ещё лучше не проволока, а гвозди. Медные гвозди! даже с шапочками. А знаешь что? Лучше не медные, это похоже на рыжие волосы, а лучше платиновые. Давай закажем себе такие парики!

П. М.: Нет, мне это не нравится.

Ил. Сем.: Напрасно. Ты не вошел во вкус. Ах! *(опрокидывает вазочку с цветком)*

П. М.: Ну смотри, сейчас ко мне придут гости, а ты всё тут перебил. И скатерть вся мокрая.

Ил. Сем.: Скорей Петя, снимай всё со стола. Мы повернем скатерть тем концом сюда, а тут поставим поднос.

П. М.: Подожди, не надо снимать.

Ил. Сем.: Нет нет, надо повернуть скатерть. Куда это поставить?
(Ставит блюдо с салатом на пол)

П. М.: Что ты хочешь делать?

Ил. Сем.: Сейчас. Сейчас!
(Снимает все со стола)

П. М.: Дядя. Дядя! Оставьте это!
(Звонок)

Это она.

Ил. Сем.: Скорей поворачивай скатерть. (Попадает ногой в салат) Ох, Боже мой! Я попал в салат!

П. М.: Ну зачем вы всё это выдумали!

Ил. Сем.: Тряпку! Все в порядке. Неси тряпку и иди отпирай дверь. (роняет стул)

П. М.: Смотрите, вы рассыпали сахар!

Ил. Сем.: Это ничего. Скорей давай тряпку!

П. М.: Это ужасно. (Поднимает с пола тарелки) Что вы делаете?

Ил. Сем.: Я пролил тут немного вина, но сейчас вытру диван своим носовым платком.

П. М.: Вы лучше оставьте это всё. (Звонок) Оставьте всё в покое! (Убегает)

Ил. Сем.: Ты скажи ей, что я твой дядя, или лучше скажи, что я твой двоюродный брат... (снимает со стола тарелки и ставит их на диван) Скатерть долой! Теперь можно всё поставить. (Бросает скатерть на пол и ставит на стол блюда с пола) Чорт возьми весь пол в салате!
(Входит Мария Ивановна в пальто, а за ней Петр Михайлович)

П. М.: Входите, Мария Ивановна. Это мой дядя. Познакомьтесь.

Ил. Сем.: Я Петин дядя. Очень рад. Мы с Петей не успели накрыть на стол... Тише, тут на пол попал салат!

М. И.: Благодарю вас.

П. М.: Снимите пальто.

Ил. Сем.: Разрешите я помогу вам.

П. М.: Да вы, дядя, не беспокойтесь, я уже помогаю Марии Ивановне.

Ил. Сем.: Простите, тут у нас не накрыт ещё стол. (Запутывается ногами в скатерти)

М. И.: Вы упадёте! (Смеётся)

Ил. Сем.: Простите, тут, я думал, ничего нет, а тут эта скатерть упала со стола. Петя, подними стул.

М. И.: Подождите, я сама сниму ботинки.

Ил. Сем.: Разрешите мне. Я уж это умею.

П. М.: Дядя, вы лучше стул поставьте на место!

Ил. Сем.: Хорошо хорошо! (ставит стул к стене)
(Молчание. Все стоят на месте. Проходит минута)

Ил. Сем.:

Мне нравится причёска на пробор.
Мне хочется иметь на голове забор
Мне очень хочется иметь на голове забор.

который делит волосы в серёдке на пробор.

П. М.: Ну вы просто дядя выдумали что-то очень странное!

М. И.: Можно мне сесть сюда?

П. М.: Конечно. Конечно. Садитесь!

Ил. Сем.: Садитесь конечно! Конечно!

П. М.: Дядя!

Ил. Сем.: Да да да.

(М.И. садится на диван. Дядя достаёт из рта молоток)

П. М.: Что это?

Ил. Сем.: Молоток.

М. И.: Что вы сделали? Вы достали его изо рта?

Ил. Сем.: Нет нет, это пустяки!

М. И.: Это фокус? *(Молчание)*

М. И.: Стало как-то неуютно.

П. М.: Сейчас я накрою на стол и будет лучше.

М. И.: Нет, Петр Михайлович, вы ужасны!

П. М.: Я! Почему я ужасен?

М. И.: Ужасно! Ужасно! *(Дядя на цыпочках выходит из комнаты).*

М. И.: Почему он ушёл на цыпочках?

П. М.: Я очень рад, что он ушел. *(Накрывает на стол.)* Вы простите меня за беспорядок.

М. И.: Я когда шла к вам, то подумала, что лучше не ходить. Надо слушаться таких подсказок.

П. М.: Наоборот, очень хорошо, что вы пришли.

М. И.: Не знаю, не знаю.

(П. М. накрывает на стол)

П. М.: Весь стол в салате! и сахар просыпан! Слышите как скрипит под ногами? Это очень противно! Вы завтра станете всем рассказывать, как у меня было.

М. И.: Ну, может быть кому-нибудь и расскажу.

П. М.: Хотите выпить рюмку вина?

М. И.: Нет спасибо я вино не пить не буду. Сделайте мне бутерброд с сыром.

П. М.: Хотите чай?

М. И.: Нет, лучше не стоит. Я хочу скоро уходить. Только вы меня не провожайте.

П. М.: Я сам не знаю, как надо поступить. На меня напал столбняк.

М. И.: Да да, мне лучше уйти.

П. М.: Нет, по-моему лучше вам не уходить сразу. Вы должны меня великодушно простить...

М. И.: Зачем вы так говорите со мной?

П. М.: Да уж нарочно говорю так.

М. И.: Нет это просто ужасно всё.

П. М.: Ужасно! Ужасно! Ужасно!

(Молчание)

П. М.:

Мне всё это страшно нравится! Мне нравится именно так сидеть с вами.

М. И.: И мне тоже.

П. М.: Вы шутите, а я правду говорю. Мне честное слово всё это нравится!

М. И.: У вас довольно прохладно *(вынимает изо рта молоток).*

П. М.: Что это?

М. И.: Молоток.

П. М.: Что вы сделали? Вы достали его изо рта!

М. И.: Он мне сегодня весь день мешал вот тут (*показывает на горло*)

П. М.:

Вы видите в моих глазах продолговатые лучи.
они струятся как бы косы
и целый сад шумит в моих ушах
и ветви трутся друг о друга.
и ветром движутся вершины
и ваши светлые глаза
как непонятные кувшины
мне снятся ночью. Боже мой!

М. И.:

К чему вы это говорите?
Мне непонятна ваша речь.
Вы просто надо мной смеетесь.
вы коршун я снегирь
вы на меня смотрите слишком яростно
и слишком часто дышите
Ах не смотрите так! Оставьте!
Вы слышите?

П. М.:

<1933>

33. Объяснение в любви

Водевиль

Он: Тут никого нет. Посижу-ка я тут.

Она: А, кажется, я одна. Никто меня не видит и не слышит.

Он: Вот хорошо, что я один. Я влюблён и хочу об этом подумать.

Она: Любит ли он меня? Мне так хочется, чтобы он сказал мне это. А он молчит, всё молчит.

Он: Как бы мне объясниться ей в любви. Я боюсь, что она испугается и я не смогу её больше видеть. Вот бы узнать, любит она меня или нет.

Она: Как я его люблю! Неужели он это не видит. А вдруг заметит и не захочет больше со мной встречаться.

<1933>

34. «Вбегает Рябчиков с кофейником в руке...»

Вбегает Рябчиков с кофейником в руке.

Рябчиков: Хочу пить кофе. Кто со мной?

Анна: Это настоящий кофе?

Хор:

Кофе кофе поднимает
поднимает нашу волю
пьющий кофе понимает
понимает свою долю.

Рябчиков: Где сахар?

Хор:

Сахар Сахар
тает от огня
Сахар Сахар
любимая птица коня.

Конь: Я сахаром жить готов. Почему же нет?

Анна: Конь пойди сюда, возьми у меня с ладони кусочек сахара.

(Конь слизывает сахар с ладони Анны)

Конь: Ах как вкусно! Ах как сладко!

Рябчиков: Где молоко?

Хор:

Молоко стоит в кувшинах
Молоко забава коз
в снежных ласковых вершинах
молоко трясёт мороз
и молочные ледяшки
наше горло больно режут
Ах морозы больно тяжко
ломают кости, после нежат
от мороза гибнет зверь
запирайте крепче дверь!
чтобы в скважины и щели
не пробрался к нам мороз
мы трясёмся, мы в постели
уж и лампы нам не нужны
тьма кругом во тьме доска
мы стрекозы
гибнем дружно
света нет. кругом тоска.

Анна:

Ну садитесь пить душистый
черный, клейкий и густой
кофе ласковый, пушистый

Хор:

Мы не можем, мы с тоской.

Рябчиков: А где, хозяйка, чайная серебряная ложечка?

Хозяйка (*все та же Анна*): Ложечка растопилась. Она лежала на плите и растопилась.

Хор:

Все серебряные вещи
Туго плавки туго плавки
вы купите воск и клещи
в мелочной дорожной лавке.

<1933>

35. Пьеса

1 Действие

Кока Брянский: Я сегодня женюсь.

Мать: Что?

Кока Бр.: Я сегодня женюсь.

Мать: Что?

Кока Бр.: Я говорю, что сегодня женюсь.

Мать: Что ты говоришь?

Кока: Се-го-во-дня-же-нюсь!

Мать: Же? что такое же?

Кока: Же-нить-ба!

Мать: Ба? Как это ба?

Кока: Не ба, а же-нить-ба!

Мать: Как это не ба?

Кока: Ну так, не ба и всё тут!

Мать: Что?

Кока: Ну не ба. Понимаешь! Не ба!

Мать: Опять ты мне это ба. Я не знаю, зачем ба.

Кока: Тьфу ты! *же* да *ба*! Ну что такое же! Сама-то ты не понимаешь, что сказать просто же – бессмысленно.

Мать: Что ты говоришь?

Кока: *Же*, говорю, *бессмысленно!!!*

Мать: Сле?

Кока: Да что это в конце концов! Как ты умудряешься это услышать только кусок слова, да ещё самый нелепый: сле! Почему именно сле!

Мать: Вот опять сле.

Кока Брянский душит мать.

Входит невеста Маруся.

<апрель 1933>

36. «Четыре немца ели свинину и пили зеленое пиво...»

Четыре немца ели свинину и пили зелёное пиво. Немец по имени Клаус подавился куском свинины и встал из-за стола. Тогда три других немца принялись свистеть в кулаки и громко издеваться над пострадавшим. Но немец Клаус быстро проглотил кусок свинины, запил его зелёным пивом и был готов к ответу. Три других немца, поиздевавшись над горлом немца Клауса, перешли теперь к его ногам и стали кричать, что ноги у немца Клауса довольно кривые. Особенно один немец по имени Михель смеялся над кривыми ногами немца Клауса. Тогда немец Клаус показал пальцем на немца Михеля и сказал, что он не видал второго человека, так глупо выговаривающего слова «кривые ноги». Немец Михель посмотрел на всех вопрошающим взглядом, а на немца Клауса посмотрел взглядом, выражающим крайнюю неприязнь. Тут немец Клаус выпил немного зелёного пива с такими мыслями в своей голове: «вот между мной и немцем Михелем начинается ссора».

Остальные два немца молча ели свинину. А немец Клаус, отпив немного пива, посмотрел на всех с видом, говорящим следующее: «Я знаю, что вы от меня хотите, но я для вас запертая шкатулка.»

<Июнь 1933>

37. «Гиммелькумов смотрел на девушку...»

Гиммелькумов смотрел на девушку в противоположном окне. Но девушка в противоположном окне ни разу не посмотрела на Гиммелькумова. «Это она от застенчивости», – думал Гиммелькумов.

* * *

Гиммелькумов раскрасил себе лицо зеленой тушью и подошел к окну. «Пусть думают все: какой он странный», – говорил сам себе Гиммелькумов.

* * *

Кончился табак и Гиммелькумову нечего было курить. Он сосал пустую трубку, но это ещё больше увеличивало пытку. Так прошло часа два. А потом табак появился.

* * *

Гиммелькумов тарачил на девушку глаза и приказывал ей мысленно повернуть голову. Однако, это не помогало. Тогда Гиммелькумов стал мысленно приказывать девушке не смотреть на него. Это тоже не помогло.

* * *

Гиммелькумов искал внутреннюю идею, чтобы на всю жизнь погрузиться в неё. Приятно быть в одном пункте как бы сумасшедшим. Всюду и во всём видит такой человек свой пункт. Всё на его мельницу. Всё имеет прямое отношение к любимому пункту.

* * *

Вдруг страшная жадность охватила Гиммелькумова. Но на что распространялась эта жадность, было непонятно. Гиммелькумов повторял правила о переносе слов и долго размышлял о буквах *ств*, которые не делятся. «Ныне я очень жадный», – говорил сам себе Гиммелькумов. Его кусала блоха, он чесался и раскладывал в уме слово «естество» для переноса с одной на другую строчку.

<1933>

38. «Герасим (входя и тот час же выходя)...»

Герасим (*входя и тот час же выходя*)

Макаров (*надсаживаясь поёт*):

Я несу в руках тарелку
воздух воздух не звенит,
время быстро водит стрелку
и часы возьми, взгляни

<Август 1933>

39. «Дорогой Никандр Андреевич...»

Дорогой Никандр Андреевич,

получил твоё письмо и сразу понял, что оно от тебя. Сначала подумал, что оно вдруг не от тебя, но как только распечатал, сразу понял, что от тебя, а то было подумал, что оно не от тебя. Я рад, что ты давно женился, потому что когда человек женится на том, на ком он хотел жениться, то значит, что он добился того, чего хотел. И я вот очень рад, что ты женился, потому что, когда человек женится на том, на ком хотел, то значит, он добился того, чего хотел. Вчера я получил твоё письмо и сразу подумал, что это письмо от тебя, но потом подумал, что кажется, что не от тебя, но распечатал и вижу – точно от тебя. Очень хорошо сделал, что написал мне. Сначала не писал, а потом вдруг написал, хотя ещё раньше, до того, как некоторое время не писал – тоже писал. Я сразу, как получил твоё письмо, сразу решил, что оно от тебя, и, потому, я очень рад, что ты уже женился. А то, если человек захотел жениться, то ему надо во что бы то ни стало жениться. Поэтому я очень рад, что ты наконец женился именно на том, на ком и хотел жениться. И очень хорошо сделал, что написал мне. Я очень обрадовался, как увидел твоё письмо, и сразу даже подумал, что оно от тебя. Правда, когда распечатывал, то мелькнула такая мысль, что оно не от тебя, но потом, всё-таки, я решил, что оно от тебя. Спасибо, что написал. Благодарю тебя за это и очень рад за тебя. Ты, может быть, не догадываешься, почему я так рад за тебя, но я тебе сразу скажу, что рад я за тебя потому, потому что ты женился, и именно на том, на ком и хотел жениться. А это, знаешь, очень хорошо жениться именно на том, на ком хочешь жениться, потому что тогда именно и добиваешься того, чего хотел. Вот именно поэтому я так рад за тебя. А также рад и тому, что ты написал мне письмо. Я ещё издали решил, что письмо от тебя, а как взял в руки, так подумал: а вдруг не от тебя? А потом думаю: да нет, конечно от тебя. Сам распечатываю письмо и в то же время думаю: от тебя или не от тебя? Ну, а как распечатал, то и вижу, что от тебя. Я очень обрадовался и решил тоже написать тебе письмо. О многом надо сказать, но буквально нет времени. Что успел, написал

тебе в этом письме, а остальное потом напишу, а то сейчас совсем нет времени. Хорошо, по крайней мере, что ты написал мне письмо. Теперь я знаю, что ты уже давно женился. Я и из прежних писем знал, что ты женился, а теперь опять вижу – совершенно верно, ты женился. И я очень рад, что ты женился и написал мне письмо. Я сразу, как увидел твоё письмо, так и решил, что ты опять женился. Ну, думаю, это хорошо, что ты опять женился и написал мне об этом письмо. Напиши мне теперь, кто твоя новая жена и как это всё вышло. Передай привет твоей новой жене.

*Даниил Хармс
<25 сентября и октября 1933>*

40. Ссора

Куклов и Богадельнев сидят за столом, покрытым клеенкой, и едят суп.

Куклов: Я принц.

Богадельнев: Ах, ты принц!

Куклов: Ну и что же из этого, что я принц?

Богадельнев: А то, что я в тебя сейчас супом плесну!

Куклов: Нет, не надо!

Богадельнев: Почему же это не надо?

Куклов: А это зачем же в меня супом плескать?

Богадельнев: А ты думаешь, ты принц, так тебя и супом облить нельзя?

Куклов: Да, я так думаю!

Богадельнев: А я думаю наоборот.

Куклов: Ты думаешь так, а я думаю так!

Богадельнев: А мне плевать на тебя!

Куклов: А у тебя нет никакого внутреннего содержания.

Богадельнев: А у тебя нос похож на корыто.

Куклов: А у тебя такое выражение лица, будто ты не знаешь, куда сесть.

Богадельнев: А у тебя веретенообразная шея!

Куклов: А ты свинья!

Богадельнев: А я вот сейчас тебе уши оторву.

Куклов: А ты свинья.

Богадельнев: Я вот тебе уши оторву!

Куклов: А ты свинья!

Богадельнев: Свинья? А ты кто же?

Куклов: А я принц.

Богадельнев: Ах ты принц!

Куклов: Ну и что же из того, что я принц?

Богадельнев: А то, что я в тебя сейчас супом плесну!

и т. д.

20 ноября 1933 года.

41. «В Америке жили два американца...»

В Америке жили два американца, мистер Пик и мистер Пак. Мистер Пик служил в конторе, а мистер Пак служил в банке. Но вот однажды мистер Пик пришел в свою контору, а ему говорят: «вы у нас больше не служите». А на другой день мистеру Паку то же самое сказали

в банке. И вот мистер Пик и мистер Пак остались без места. Мистер Пик пришел к мистеру Паку и сказал:

– Мистер Пак!

– Что? Что? что? Ты спрашиваешь: что нам делать? что нам делать! Ты спрашиваешь: что нам делать?

– Да, – сказал мистер Пик.

– Ну вот, ну вот, ну вот, ну вот! Ну вот видишь, что получилось? Вот видишь? Вот видишь, какая наша история!

– Да, – сказал мистер Пик и сел на стул, а мистер Пак принялся бегать по комнате.

– Сейчас у нас, сейчас тут у нас... Я говорю у нас тут в Соединенных штатах. Американских Соединенных штатах. В Соединенных штатах Америки, тут, у нас... ты понимаешь где?

<1933>

Фома Бобров и его супруга

Комедия в 3-х частях

Бабушка Боброва (*раскладывает пасьянс*): Ну и карта же идет. Все шиворот навыворот! Король. Ну, куда мне его сунуть? Когда нужно, ни одной пятёрки нет. Вот бы сейчас пятерку! Сейчас будет пятерка. Тьфу ты, опять король!

(*Швыряет карты на стол с такой силой, что со стола падает фарфоровая вазочка и разбивается*)

Бабушка: Ах! Ах! Батюшки! Вот чортовы карты! (*Лезет под стол и собирает осколки*) Из этого уж не склеишь. А хорошая вазочка была. Такой больше не достать. Вон ведь куда залетел! (*тянется за осколком*)

(*В комнату входит Бобров*)

Бобров: Бабушка! Что это вы под стол залезли?

Бабушка: Ну, ладно, ладно. Тебе чего надо?

Бобров: Да вот, пришел спросить: не найдется ли у вас цибика чая?

Бабушка: Ну-ка, помоги мне из-под стола вылезти.

Бобров: Вы что, уронили что-нибудь? Ах, вазочку разбили!

Бабушка (*передразнивает*): Ва-азочку разбили?

(*Бобров помогает бабушке подняться. Но как только он ее отпустил, бабушка опять села на пол*)

Бобров: Ах, опять сели!

Бабушка: Села, ну и что же?

Бобров: Разрешите помочь. (*Поднимает бабушку*)

Бабушка: Вот карта плохо шла. Я и так и эдак... Да ты меня за руки не тяни, а возьми под мышки. Всё, знаешь ли, король за королем. Мне пятерка нужна, а тут всё короли идут.

(*Бобров отпускает бабушку, и бабушка опять садится на пол*)

Ах!

Бобров: Господи! Вы опять сели.

Бабушка: Да что ты пристал: сели да сели! Чего тебе от меня нужно?

Бобров: Я пришел попросить у вас цибик чая.

Бабушка: Знаю уж. Говорил уже. Не люблю двадцать раз то же самое выслушивать. Только и знаешь: Ах, опять сели! и цибик чая. Ну, чего смотришь! Подними, говорят тебе.

Бобров (*поднимая бабушку*): Я уж вас, разрешите, и в кресло посажу.

Бабушка: А ты поменьше разговаривай, а лучше поднимай как следует. Я хотела тебе сказать, да чуть не забыла: ведь дверь-то у меня в спальней опять плохо запирается. Верно, ты всё кое-как сделал.

Бобров: Нет, я скобу на шурупчиках поставил.

Бабушка: А ты думаешь, я понимаю, что это за скобка да шурупчики. Меня это не касается. Мне надо, чтобы дверь запиралась.

Бобров: Она потому и не запирается, что шурупчики в древесине не сидят.

Бабушка: Ну, ладно, ладно, это уж там твое дело. Мне надо только... Ах! (*опять садится на пол*)

Бобров: Господи!

Бабушка: Да ты что, решил меня об пол бросать с умыслом? Издеваться решил? Ах, ты, негодяй. Ну, просто ты негодяй, и лучше уходи!

Бобров: Да я, бабушка, честное слово, хотел вас на кресло посадить.

Бабушка: Я тебе что сказала? Чтобы ты уходил вон. А ты чего не уходишь! Ну, чего же ты не уходишь? Ты слышишь? Уходи вон! Ну? Убирайся вон!

(*Бобров уходит*)

Бабушка: Вон! Вон! Вон! Убирайся вон! Скажите, какой мерзавец! (*Поднимается с пола и садится в кресло*) А жена его просто неприличная дама. Дома ходит совершенно голой и даже меня, старуху, не стесняется. Прикрывает неприличное место ладонью, так и ходит. А потом этой рукой за обедом хлеб трогает. Просто смотреть противно. Думает, что уж если она молодая да красивая, так уж ей всё можно. А сама, неряха, у себя, где полагается, никогда, как следует, не вымоет. Я, говорит, люблю, чтобы от женщины женщиной пахло! Я, как она придет, так сразу баночку с одеколоном к носу. Может быть, мужчинам это приятно, а меня, уж извините, увольте от этого. Такая бесстыдница! Ходит голой без малейшего стеснения. А когда сидит, то даже ноги, как следует, не сожмет вместе, так что всё напоказ. А там у нее, ну, просто всегда мокро. Так, другой раз, и течет. Скажешь ей: ты бы хоть пошла да вымылась, а она говорит: ну, там не надо часто мыть, и возьмет, платочком просто вытерет. Это ещё хорошо, если платочком, а то и просто рукой. Только еще хуже размажет. Я никогда ей руки не подаю, у нее вечно от рук неприлично пахнет. И грудь у нее неприличная. Правда, очень красивая и упругая, но такая большая, что, по-моему, просто неприлично. Вот уж Фома жену нашел себе! Чем она его окрутила, не понимаю!

<1933>

Бал

Хор:

Танцуйте, танцуйте!

Гости:

Танцуем, танцуем!

Хор:

Танцуйте фигуру.

Гости:

Танцуем фигуру.

Хор:

Откройте, откройте,
откройте, откройте.
Закройте, закройте,
закройте, закройте.

Гости:

Мы весело топчемся.

Баронесса Пирогова:

Мне стало душно.

Солдат Ферзев:

Хотите на веранду охладить горячее тело?

Баронесса Пирогова:

Вы правы: я немножечко вспотела.
Пусть ветер мне подует в рукава.

Солдат Ферзев:

Смотрите: ночка какова!

Der Goldberg:

Кто хочет что-нибудь особенного —
то я спою не хуже Собинова.

Хозяин:

Иван Антоныч, принесите плеть.
Сейчас Der Goldberg будет петь.

Der Goldberg (поет):

Любовь, любовь
царит всечасно...
Больше петь не буду. Зачем

он меня при каждом слове
ударяет плеткой.

Мария:

Ой, смотрите, кто это к нам
ползет на четвереньках.

Хозяин:

Это Мотыльков.

Мотыльков:

Да, это я. Мою природу
постиг удар. Я стал скотом.
Дозвольте мне воззвать к народу.

Хозяин:

Ах, не сейчас.
Потом Потом.

Мотыльков:

Тогда я просто удаляюсь.

Хозяин:

А вдруг останетесь, боюсь.

Мотыльков:

Как неуместен этот страх.
Уйду и с туфель сдуну прах.

Хозяин:

Смотрите, он ползет обратно.

Жак.

Мария, будьте аккуратна.

Мария:

Я вам запачкала пиджак.

Жак:

Ну не беда!

Мария:

Мой милый Жак.

Жак:

Я предан вам за вашу ласку.

Мария:

Ах, сядьте тут и расскажите сказку.

Жак:

Был гром, и небо темно-буро.
Вдруг выстрел – хлоп! – из Порт-Артура.
На пароходе суета,
матросы лезут в лодку,
а лодка офицерами по горло занята.
Матросы пьют в испуге дико водку,
кто рубит мачту, кто без крика тонет,
кто с переломанной ногой лежит и стонет.
Уже вода раскрыла двери,
а люди просто озверели.
Волну прижав к своей груди,
тонул матрос и говорил: «Приди, приди»,
не то волне, не то кому-то
и бил ногами воду круто.
Его сосет уже пучина,
холодная вода ласкает,
но все вперед плывет мужчина
и милую волну из рук не выпускает.
«Приди, приди», – кому-то кличет,
кому-то яростно лопочет,
кому-то ласково лепечет,
зовет кого-то и хохочет.

<1933>

44. Скаска

Жил-был один человек, звали его Семёнов.
Пошел однажды Семёнов гулять и потерял носовой платок.
Семёнов начал искать носовой платок и потерял шапку.
Начал искать шапку и потерял куртку. Начал куртку искать и потерял сапоги.
– Ну, – сказал Семёнов, – этак все растеряешь. Пойду лучше домой.

Пошел Семёнов домой и заблудился.
– Нет, – сказал Семёнов, – лучше я сяду и посижу.
Сел Семёнов на камушек и заснул.

<1933>

45. «Воронин (вбегая)...»

Воронин (*вбегая*):

Остановка истории!
Люди бегут по улице!
На Неве стреляют из пушек!

Степанов (*подскакивая на стуле*):

Которое сегодня число?

Воронин:

Девятнадцатое марта!

Степанов (*падая на пол*):

Проспал! Проспал!

<1933>

46. «Мы жили в двух комнатах. Мой приятель...»

Мы жили в двух комнатах. Мой приятель занимал комнату поменьше, я-же занимал довольно большую комнату, в три окна. Целые дни моего приятеля не было дома, и он возвращался в свою комнату, только чтобы переночевать. Я же почти всё время сидел в своей комнате, и если выходил, то либо на почту, либо купить себе чтонибудь к обеду. В добавок я заполучил сухой плеврит, и это ещё больше удерживало меня на месте.

Я люблю быть один. Но вот прошёл месяц и мне моё одиночество надоело. Книга не развлекала меня, а садясь за стол, я часто просиживал по долгу, не написав ни строчки. Я опять брался за книгу, а бумага оставалась чистой. Да ещё это болезненное состояние! Одним словом, я начал скучать.

Город, в котором я жил это время, мне совершенно не нравился. Он стоял на горе и всюду открывались открыточные виды. Эти виды мне так опротивили, что я даже рад был сидеть дома. Да собственно кроме почты, рынка и магазина, мне и ходить то было некуда.

И так я сидел дома как затворник.

Были дни, когда я ничего не ел. Тогда я старался создать себе радостное настроение. Я ложился на кровать и начинал улыбаться. Я улыбался по двадцати минут зараз, но потом улыбка переходила в зевоту. Это было очень неприятно. Я приоткрывал рот настолько, что бы только улыбнуться, а он открывался шире и я зевал. Я начинал мечтать.

Я видел перед собой глиняный кувшин с молоком и куски свежего хлеба. А сам я сижу за столом и быстро пишу. На столе, на стульях и на кровати лежат листы исписанной бумаги.

А я пишу дальше, подмигиваю и улыбаюсь своим мыслям. И как приятно, что рядом хлеб, и молоко и ореховая шкатулочка с табаком!

Я открыл окно и смотрел в сад. У самого дома росли жёлтые и лиловые цветы. Дальше рос табак и стоял большой военный каштан. А там начинался фруктовый сад.

Было очень тихо и только под горой пели поезда.

Сегодня я ничего не мог делать. Я ходил по комнате, потом садился за стол, но вскоре вставал и пересаживался на кресло качалку. Я брал книгу, но тотчас же отбрасывал её и принимался опять ходить по комнате.

Мне вдруг казалось, что я забыл что то, какой то случай или важное слово.

Я мучительно вспоминал это слово и мне даже начинало казаться, что это слово начиналось на букву М. Ах нет! совсем не на М, а на Р.

Разум? радость? рама? ремень? Или: Мысль? Мука? Материя?

Нет, конечно на букву Р, если это только слово!

Я варил себе кофе и пел слова на букву Р. О, сколько слов сочинил я на эту букву! Может быть, среди них было и то, но я не узнал его, я принял его за такое же, как и все другие. А может быть, того слова и не было.

<1932–1933>

1934

47. Американский рассказ

В Американский суд была подана жалоба сторожем скотобойни, буд-то ему какой-то парень сломал руку. Судья вызвал этого парня и спросил: «Ты сломал сторожу руку?» Парень сказал: «нет я не ломал ему руки». А сторож сказал: «как же ты не ломал мне руки! Ведь я из за тебя же сломал руку!» Тогда судья спросил: «Как-же было дело?» Оказалось, что дело было так:

Молодой здоровый парень забрался на скотобойню, срезал с коровьего вымяни сиську, вставил её себе в прорешку штанов и так идёт.

Сторож увидел парня, вылупил глаза и говорит: «Да ты смотри, как ты идёшь!»

А парень достал нож и говорит: «Эх, всё равно!», отрезал ножом сиську и бросил её в сторону.

Сторож упал и сломал себе руку.

<Январь 1934>

48. «Миронов завернул в одеяло часы...»

Миронов завернул в одеяло часы и понёс их в керосинную лавку. По дороге Миронов встретил Головлёва. Головлёв при виде Миронова спрятался за папиросную будку. «Что вы тут стоите?» – начал приставать к нему папиросник. Чтобы отвязаться, Головлёв купил у папиросника мундштук и коробку зубного порошка. Миронов видел всё это, на чём, собственно говоря, рассказ и заканчивается.

20 августа <1934>

49. «Андрей Иванович плюнул в чашку с водой...»

Андрей Иванович плюнул в чашку с водой. Вода сразу почернела. Андрей Иванович сощурил глаза и пристально посмотрел в чашку. Вода была очень черна. У Андрей Ивановича забилося сердце.

В это время проснулась собака Андрея Семёновича. Андрей Семёнович подошел к окну и задумался.

Вдруг что-то большое и темное пронеслось мимо лица Андрея Ивановича и вылетело в окно. Это вылетела собака Андрея Ивановича и понеслась как ворона на крышу противоположного дома. Андрей Иванович сел на корточки и завыл.

В комнату вбежал товарищ Попугаев.

– Что с вами? Вы больны? – спросил товарищ Попугаев.

Андрей Иванович молчал и тер лицо руками.

Товарищ Попугаев заглянул в чашку, стоявшую на столе.

– Что это тут у Вас налито? – спросил он Андрея Ивановича.

– Не знаю, – сказал Андрей Иванович.

Попугаев мгновенно исчез. Собака опять влетела в окно, легла на свое прежнее место и заснула.

Андрей Иванович подошел к столу и вылил из чашки почерневшую воду. И на душе у Андрея Ивановича стало светло.

21 августа <1934>

50. «Как известно, у Безименского очень тупое рыло...»

Как известно, у Безименского очень тупое рыло.
Вот однажды, Безименский стукнулся своим рылом о табурет.
После этого рыло поэта Безименского пришло в полную негодность.

<30 августа 1934>

51. «Ольга Форш подошла к Алексею Толстому...»

Ольга Форш подошла к Алексею Толстому и что-то сделала.
Алексей Толстой тоже что-то сделал.

Тут Константин Федин и Валентин Стенич выскочили на двор и принялись разыскивать подходящий камень. Камня они не нашли, но нашли лопату. Этой лопатой Константин Федин съездил Ольге Форш по морде.

Тогда Алексей Толстой разделся голым и, выйдя на Фонтанку, стал ржать по-лошадиному. Все говорили: «Вот ржет крупный современный писатель.» И никто Алексея Толстого не тронул.

<1934>

52. «У дурака из воротника его рубашки торчала шея...»

У дурака из воротника его рубашки торчала шея, а на шее голова. Голова была когда-то коротко подстрижена. Теперь волосы отросли щеткой. Дурак много о чем-то говорил. Его никто не слушал. Все думали: Когда он замолчит и уйдет? Но дурак ничего не замечая продолжал говорить и хохотать.

Наконец Ёлбов не выдержал и, подойдя к дураку, сказал коротко и свирепо: «Сию же минуту убирайся вон.» Дурак растерянно смотрел вокруг, не соображая что происходит. Ёлбов двинул дурака по уху. Дурак вылетел из кресла и повалился на пол. Ёлбов поддал его ногой и дурак, вылетев из дверей, скатился с лестницы.

* * *

Так бывает в жизни: Дурак дураком, а ещё чего-то хочет выразить. По морде таких. Да, по морде!

Куда бы я ни посмотрел всюду эта дурацкая рожа арестанта. Хорошо бы сапогом по этой морде.

<Август 1934>

53. О равновесии

Теперь все знают, как опасно глотать камни.

Один даже мой знакомый сочинил такое выражение: «Кавео», что значит: «Камни внутрь опасно». И хорошо сделал. «Кавео» легко запомнить, и как потребуется, так и вспомнишь сразу.

А служил этот мой знакомый истопником при паровозе. То по северной ветви ездил, а то в Москву. Звали его Николай Иванович Серпухов, а курил он папиросы «Ракета», 35 коп. коробка, и всегда говорил, что от них он меньше кашлем страдает, а от пятирублевых, говорит, я всегда задыхаюсь.

И вот случилось однажды Николаю Ивановичу попасть в Европейскую гостиницу, в ресторан. Сидит Николай Иванович за столиком, а за соседним столиком иностранцы сидят и яблоки жрут.

Вот тут-то Николай Иванович и сказал себе: «Интересно, – сказал себе Николай Иванович, – как человек устроен».

Только это он себе сказал, откуда ни возьмись, появляется перед ним фея и говорит:

– Чего тебе, добрый человек, нужно?

Ну, конечно, в ресторане происходит движение, откуда, мол, эта неизвестная дамочка возникла. Иностранцы так даже яблоки жрать перестали. Николай-то Иванович и сам не на шутку струхнул и говорит просто так, чтобы отвязаться:

– Извините, – говорит, – особого такого ничего мне не требуется.

– Нет, – говорит неизвестная дамочка, – я, – говорит, – что называется, фея. Одним моментом что угодно смастерю.

Только видит Николай Иванович, что какой-то гражданин в серой паре внимательно к их разговору прислушивается. А в открытые двери метродотель бежит, а за ним ещё какой-то субъект с папироской во рту.

«Что за черт! – думает Николай Иванович, – неизвестно что получается».

А оно и действительно неизвестно что получается. Метродотель по столам скачет, иностранцы ковры в трубочку закатывают, и вообще черт его знает! Кто во что горазд!

Выбежал Николай Иванович на улицу, даже шапку в раздевалке из хранения не взял, выбежал на улицу Лассалья и сказал себе: «Кавео! Камни внутрь опасно! И чего-чего только на свете не бывает!»

А придя домой, Николай Иванович так сказал жене своей:

– Не пугайтесь, Екатерина Петровна, и не волнуйтесь. Только нет в мире никакого равновесия. И ошибка-то всего на какие-нибудь полтора килограмма на всю вселенную, а все же удивительно, Екатерина Петровна, совершенно удивительно!

ВСЕ.

*Даниил Дандан
18 сентября 1934 года*

54. О явлениях и существованиях

№ 1

Художник Миккель Анжело садится на груды кирпичей и, подперев голову руками, начинает думать.

Вот проходит мимо петух и смотрит на художника Миккеля Анжело своими круглыми золотистыми глазами. Смотрит и не мигает.

Тут художник Миккель Анжело поднимает голову и видит петуха. Петух не отводит глаз, не мигает и не двигает хвостом.

Художник Миккель Анжело опускает глаза и замечает, что глаза что-то щиплет. Художник Миккель Анжело трет глаза руками. А петух не стоит уж больше, не стоит, а уходит, уходит за сарай, за сарай на птичий двор, на птичий двор к своим курам.

И художник Миккель Анжело поднимается с груды кирпичей, отряхивает со штанов красную, кирпичную пыль, бросает в сторону ремешок и идет к своей жене.

По дороге художник Миккель Анжело встречает Комарова, хватает его за руку и кричит: – Смотри!

Комаров смотрит и видит шар.

«Что это?» – шепчет Комаров.

А с неба грохочет: «Это шар».

– Какой такой шар? – шепчет Комаров.

А с неба грохот: «Шар гладкоповерхностный!»

Комаров и художник Миккель Анжело садятся в траву, и сидят они в траве, как грибы. Они держат друг друга за руки и смотрят на небо. А на небе вырисовывается огромная ложка. Что же это такое? Никто этого не знает. Люди бегут и застревают в своих домах. И двери запирают и окна. Но разве это поможет? Куда там! Не поможет это.

Я помню, как в 1884-том году показалась на небе обыкновенная комета величиной с пароход. Очень было страшно. А тут ложка! Куда комете до такого явления.

Запирают окна и двери!

Разве это может помочь? Против небесного явления доской не загородишься.

У нас в доме живет Николай Иванович Ступин, у него теория, что все дым.

А по-моему не все дым. Может, и дыма-то никакого нет. Ничего, может быть, нет. Есть одно только разделение. А может быть, и разделения-то никакого нет. Трудно сказать.

Говорят, один знаменитый художник, рассматривал петуха. Рассматривал, рассматривал и пришел к убеждению, что петуха не существует.

Художник сказал об этом своему приятелю, а приятель давай смеяться. Как же, говорит, не существует, когда, говорит, он вот тут вот стоит и я, говорит, его отчетливо наблюдаю.

А великий художник опустил тогда голову и как стоял, так и сел на груды кирпичей. все

*Даниил Дандан
18 сентября 1934 года*

55. О явлениях и существованиях

№ 2

Вот бутылка с водкой, так называемый спиртуоз. А рядом вы видите Николая Ивановича Серпухова.

Вот из бутылки поднимаются спиртуозные пары. Поглядите, как дышит носом Николай Иванович Серпухов. Видно, ему это очень приятно, и главным образом потому что спиртуоз.

Но обратите внимание на то, что за спиной Николая Ивановича нет ничего.

Не то чтобы там не стоял шкаф или комод, или вообще что-нибудь такое, а совсем ничего нет, даже воздуха нет. Хотите верьте, хотите не верьте, но за спиной Николая Ивановича нет даже безвоздушного пространства, или, как говорится, мирового эфира. Откровенно говоря, ничего нет.

Этого, конечно, и вообразить себе невозможно.

Но на это нам наплевать, нас интересует только спиртуоз и Николай Иванович Серпухов.

Вот Николай Иванович берет рукой бутылку со спиртуозом и подносит ее к своему носу. Николай Иванович нюхает и двигает ртом, как кролик.

Теперь пришло время сказать, что не только за спиной Николая Ивановича, но впереди, так сказать перед грудью и вообще кругом, нет ничего. Полное отсутствие всякого существования, или, как острили когда-то: отсутствие всякого присутствия.

Однако давайте интересоваться только спиртуозом и Николаем Ивановичем.

Представьте себе, Николай Иванович заглядывает во внутрь бутылки со спиртуозом, потом подносит ее к губам, запрокидывает бутылку доньшком вверх и выпивает, представьте себе, весь спиртуоз.

Вот ловко! Николай Иванович выпил спиртуоз и похлопал глазами. Вот ловко! Как это он!

А мы теперь должны сказать вот что: собственно говоря, не только за спиной Николая Ивановича, или спереди и вокруг только, а также и внутри Николая Ивановича ничего не было, ничего не существовало.

Оно, конечно, могло быть так, как мы только что сказали, а сам Николай Иванович мог при этом восхитительно существовать. Это, конечно, верно. Но, откровенно говоря, вся штука в том, что Николай Иванович не существовал и не существует. Вот в чем штука-то.

Вы спросите: «А как же бутылка со спиртуозом? Особенно, куда вот делся спиртуоз, если его выпил несуществующий Николай Иванович? Бутылка, скажем, осталась, а где же спиртуоз? Только что был, а вдруг его и нет. Ведь Николай Иванович не существует, говорите вы. Вот как же это так?»

Тут мы и сами теряемся в догадках.

А впрочем, что же это мы говорим? Ведь мы сказали, что как внутри, так и снаружи Николая Ивановича ничего не существует. А раз ни внутри, ни снаружи ничего не существует, то значит, и бутылки не существует. Так ведь?

Но с другой стороны, обратите внимание на следующее: если мы говорим, что ничего не существует ни изнутри, ни снаружи, то является вопрос: изнутри и снаружи чего? Что-то, видно, все же существует? А может, и не существует.

Тогда для чего же мы говорим изнутри и снаружи?

Нет, тут явно тупик. И мы сами не знаем, что сказать.

До свидания.

Всё.

*Даншил Дандан
18 сентября 1934 года*

56. Грехопадение или познание добра и зла

Дидаскалия

(Аллея красиво подстриженных деревьев изображает райский сад. Посередине Древо жизни и Древо Познания Добра и Зла. Сзади направо церковь.)

Figura *(указывая рукой на дерево, говорит)*. Вот это дерево познания добра и зла. От других деревьев ешьте плоды, а от этого дерева плодов не ешьте. *(Уходит в церковь.)*

Адам *(указывая рукой на дерево)*. Вот это дерево познания добра и зла. От других деревьев мы будем есть плоды, а от этого дерева мы плодов есть не будем. Ты, Ева, обожди меня, а я пойду соберу малину. *(Уходит.)*

Ева: Вот это дерево познания добра и зла. Адам запретил мне есть плоды с этого дерева. А интересно, какого они вкуса? Мастер Леонардо.

(Из-за дерева появляется Мастер Леонардо.)

Мастер Леонардо: Ева! Вот я пришел к тебе.

Ева: А скажи мне, Мастер Леонардо, зачем?

Мастер Леонардо: Ты такая красивая, белотелая и полногрудая. Я хлопочу о пользе.

Ева: Дай-то Бог.

Мастер Леонардо: Ты знаешь, Ева, я люблю тебя.

Ева: А я знаю, что это такое?

Мастер Леонардо: Неужто не знаешь?

Ева: Откуда мне знать?

Мастер Леонардо: Ты меня удивляешь.

Ева: Ой, посмотри, как смешно фазан на фазаниху сел!

Мастер Леонардо: Вот это и есть то самое.

Ева: Что то самое?

Мастер Леонардо: Любовь.

Ева: Тогда это очень смешно. Ты что? Хочешь тоже на меня верхом сесть?

Мастер Леонардо: Да, хочу. Но только ты ничего не говори Адаму.

Ева: Нет, не скажу.

Мастер Леонардо: Ты, я вижу, молодец.

Ева: Да, я бойкая баба!

Мастер Леонардо: А ты меня любишь?

Ева: Да, я не прочь, чтобы ты меня покатал по саду на себе верхом.

Мастер Леонардо: Садись ко мне на плечи.

(Ева садится верхом на Мастера Леонардо, и он скачет с ней по саду.)

Входит Адам с картузом, полным малины, в руках.

Адам: Ева! Где ты? Хочешь малины? Ева! Куда же она ушла? Пойду ее искать. *(Уходит.)*

(Появляется Ева верхом на Мастере Леонардо.)

Ева *(спрыгивая на землю)*. Ну, спасибо. Очень хорошо.

Мастер Леонардо. А теперь попробуй вот это яблоко.

Ева: Ой, что ты! С этого дерева нельзя есть плодов.

Мастер Леонардо: Послушай, Ева! Я давно уже узнал все тайны рая. Кое-что я расскажу тебе.

Ева: Ну говори, а я послушаю.

Мастер Леонардо: Будешь меня слушать?

Ева: Да, я тебя ни в чем не огорчу.

Мастер Леонардо: А не выдашь меня?

Ева: Нет, поверь мне.

Мастер Леонардо: А вдруг все откроется?

Ева: Не через меня.

Мастер Леонардо: Ну хорошо. Я верю тебе. Ты была в хорошей школе. Я видел Адама, он очень глуп.

Ева: Он грубоват немного.

Мастер Леонардо: Он ничего не знает. Он мало путешествовал и ничего не видел. Его одурачили. А он одурачивает тебя.

Ева: Каким образом?

Мастер Леонардо: Он запрещает тебе есть плоды с этого дерева. А ведь это самые вкусные плоды. И когда ты съешь этот плод, ты сразу поймешь, что хорошо и что плохо. Ты сразу узнаешь очень много и будешь умнее самого Бога.

Ева: Возможно ли это?

Мастер Леонардо: Да уж я говорю тебе, что возможно.

Ева: Ну, право, я не знаю, что мне делать.

Мастер Леонардо: Ешь это яблоко! Ешь, ешь!

(Появляется Адам с картузом в руках.)

Адам: Ах вот ты где, Ева! А это кто?

(Мастер Леонардо скрывается за кусты.)

Адам: Это кто был?

Ева: Это был мой друг, Мастер Леонардо.

Адам: А что ему нужно?

Ева: Он посадил меня верхом к себе на шею и бегал со мной по саду. Я страшно смеялась.

Адам: Больше вы ничего не делали?

Ева: Нет.

Адам: А что это у тебя в руках?

Ева: Это яблоко.

Адам: С какого дерева?

Ева: Вон с того.

Адам: Нет, врешь, с этого.

Ева: Нет, с того.

Адам: Врешь поди.

Ева: Честное слово, не вру.

Адам: Ну хорошо, я тебе верю.

Змей *(сидящий на дереве познания добра и зла).* Она врет. Ты не верь. Это яблоко с этого дерева!

Адам: Брось яблоко. Обманщица.

Ева: Нет, ты очень глуп. Надо попробовать, каково оно на вкус.

Адам: Ева! Смотри!

Ева: И смотреть тут нечего!

Адам: Ну как знаешь.

(Ева откусывает от яблока кусок.)

Змей от радости хлопает в ладоши.)

Ева: Ах, как вкусно! Только что же это такое? Ты все время исчезаешь и появляешься вновь. Ой! Все исчезает и откуда-то появляется все опять. Ох, как это интересно! Ай! Я голая! Адам, подойди ко мне ближе, я хочу сесть на тебя верхом!

Адам: Что такое?

Ева: На, ешь ты тоже это яблоко!

Адам: Я боюсь.

Ева: Ешь! Ешь!

(Адам съедает кусок яблока и сразу же прикрывается картузом.)

Адам: Мне стыдно.

Из церкви выходит **Figura**.

Figura. Ты, человек, и ты, человечича, вы съели запрещенный плод. А потому вон из моего сада!

Figura уходит обратно в церковь.

Адам. Куда же нам идти?

(Появляется ангел с огненным челом и гонит их из рая.)

Ангел. Пошли вон! Пошли вон! Пошли вон!

Мастер Леонардо *(появляясь из-за кустов).* Пошли, пошли! Пошли, пошли! *(Машет руками.)* Давайте занавес!

Занавес

*Дандан.
27 сентября 1934 года*

57. Экспромт

Как известно, у полупоэта Бориса Пастернака была собака по имени Балаган. И вот однажды, купаясь в озере, Борис Пастернак сказал столпившемуся на берегу народу:

– Вон смотрите, под осиной
Роет землю Балаган!

С тех пор этот экспромт известного полупоэта сделался поговоркой.

*<Сентябрь 1934?>
Даниил Хармс*

58. «Тут все начали говорить по-своему...»

Тут все начали говорить по-своему.

Хвилищевский подошёл к дереву и поцарапал кору. Из коры выбежал муравей и упал на землю. Хвилищевский нагнулся, но муравья не было видно.

В это время Факиров ходил взад и вперёд. Лицо Факирова было строго, даже грозно. Факиров старался ходить по прямым, а когда доходил до дома, то делал сразу резкий поворот.

Хвищилевский всё ещё стоял у дерева и смотрел на кору сквозь пенснэ своими близорукими глазами. Шея Хвищилевского была тонкая и морщинистая.

* * *

Тут все начали говорить о числах. Хвищилевский уверял, что ему известно такое число, что если его написать по китайски сверху вниз, то оно будет похоже на булочника.

– Ерунда, – сказал Факиров, – почему на булочника?

– А вы попробуйте и тогда сами убедитесь, – сказал Хвищилевский, проглотив слюну, отчего его воротничок подпрыгнул, а галстук съехал на сторону.

– Ну, какое же число? – спросил Факиров, доставая карандаш.

– Позвольте, это число я держу в тайне, – сказал Хвищилевский.

Неизвестно, чем бы это всё кончилось, но тут вошёл Уемов и принёс много новостей.

Факиров сидел в своём синем бархатном жилете и курил трубку.

* * *

Числа, такая важная часть природы! И рост и действие, всё число.

А слово, это сила.

Число и слово, – наша мать.

5 октября <1933–1934>

59. Обезоруженный или Неудавшаяся любовь

Трагический водевиль в одном действии

Лев Маркович (*подскакивая к даме*): Разрешите!

Дама (*отстраняясь ладонями*): Отстаньте!

Л. М. (*наскакивая*): Разрешите!

Дама (*пихаясь ногами*): Уйдите!

Л. М. (*хватаясь руками*): Дайте разок!

Дама (*пихаясь ногами*): Прочь! Прочь!

Л. М.: Один только пистон!

Дама (*мьчит, дескать «нет»*).

Л. М.: Пистон! Один пистон!

Дама (*закатывает глаза*).

Л. М. (*Суетится, лезет рукой за своим инструментом и вдруг оказывается, не может его найти*).

Л. М.: Обождите! (*Шарит у себя руками*). Что за чччорт!

Дама (*с удивлением смотрит на Льва Марковича*).

Л. М.: Вот ведь история!

Дама: Что случилось?

Л. М.: Хм... (*смотрит растерянно во все стороны*).

Занавес

1934

60. «Маляр сел в люльку и сказал...»

Маляр сел в люльку и сказал: «Вот до той зазубрины дотяните и стоп».

Петров и Комаров взялись за канат.

– Валяй! – сказал маляр и люлька поскакала вверх.

Маляр отпихивался от стены ногами. Люлька с маляром откачивалась и опять летела к стене. А маляр опять отпихивался от стены ногами.

Петров и Комаров тянули за канат. То Петров, то Комаров. Пока один тянул, другой на всякий случай держал свободный конец каната. Маляр поднимался всё выше. В первом этаже был кооператив. Маляр поднялся до вывески и уперся ногой в букву О.

В это время Комаров повис на канате и люлька с маляром остановилась против окна во втором этаже.

Маляр поджал ноги, чтобы не высадить ими оконного стекла, но в это время на канате повис Петров, и маляр очутился в простенке между вторым и третьим этажом. На стене было написано мелом: «Ванька болван, а Наташка дура».

– Ишь ты! – сказал маляр и покрутил головой. – И сюда ведь, черти, забрались!

Но на канате повис опять Комаров и маляр увидел перед собой открытое окно, а в окне комнату. В комнате стояли два человека, один в пиджаке, а другой, кажется, без пиджака. Тот, который был в пиджаке, схватил того, который был, кажется, без пиджака, и душил его.

Но в это время на канате повис Петров и маляр увидел перед собой ржавый карниз.

– Стой! – закричал маляр. – Давай обратно!

Петров и Комаров задрали кверху головы и смотрели на маляра.

– Чего смотрите! Вниз! скорее! Там в окне душат! – кричал маляр и бил ногой в открытое окно.

Петров и Комаров засуетились и вдвоём повисли на канате. Маляр взлетел прямо к четвёртому этажу, больно ударившись ногой о карниз.

– Вниз, черти! – крикнул маляр на всю улицу.

Петров и Комаров видно поняли, в чём дело, и начали понемногу опускать канат. Люлька поползла вниз. На улице начала собираться толпа.

Маляр перегнулся и заглянул в окно.

Человек без пиджака лежал на полу, а человек в пиджаке сидел на нём верхом и продолжал его душить.

– Ты чего делаешь? – крикнул ему маляр. Человек в пиджаке даже не обернулся и продолжал душить человека без пиджака.

– Чего там такое? – кричали снизу Петров и Комаров.

– Да тут один человек другого душит! – кричал маляр. – Вот я тебя сейчас!

С этими словами маляр слез с люльки и прыгнул в комнату.

Облегчённая люлька качнулась в сторону, ударилась об стену, отлетела от дома и с размаху двинула по водосточной трубе.

В трубе что-то зашумело, застучало, заклокотало, покатилося и посыпалось.

Народ с криком отбежал на середину улицы. А из водосточной трубы на панель выскочили три маленьких кирпичных осколка.

Народ опять приблизился к дому.

Петров и Комаров всё ещё держались за канат и показывали, как они тянули люльку наверх, как маляр крикнул им опускать вниз, и как один человек душит другого.

В толпе ахали и охали, смотрели наверх и наконец решено было как-нибудь помочь маляру.

Человек в соломенном картузе предлагал свою помощь и говорил, что может по водосточной трубе забраться хоть на край света.

Старушка с маленьким лицом и таким большим носом, что его можно было взять двумя руками, требовала всех мошенников сдать милиции и лишить их паспорта, чтобы они знали, как мучать других.

Петров и Комаров, всё ещё держась за канат, говорили:

«Мы его не упустим! Теперь уж нет! Шалишь!»

В это время из ворот дома выбежал дворник в огромной косматой папахе, в голубой майке и красных резиновых галошах, надетых на рваные валенки. С криком: «Что тут случилось?» он подбежал к Петрову и Комарову.

Дворнику объяснили, что в четвертом этаже, в том вон окне, один человек задушил другого.

– За мной! – крикнул дворник и бросился в парадную. Толпа кинулась за дворником.

Петров и Комаров привязали канат к какой-то деревянной дуге, торчащей из-под земли, и говоря: «Ну нет, брат не уйдешь!» – тоже скрылись в парадной.

Добежав до площадки четвёртого этажа, дворник на секунду остановился, и вдруг ринулся к двери, на которой висела дощечка с надписью: «квартира № 8. Звонить 8 раз». А под этой дощечкой висела другая, на которой было написано: «Звонок не звонит. Стучите».

Собственно, на двери и не было никакого звонка.

Дворник встал на одной ноге спиной к двери, а другой ногой принялся колотить в дверь.

Народ столпился на площадке одним маршем ниже и оттуда следил за дворником.

Дворник бил ногой в дверь так усердно, и красная калоша так быстро мелькала взад и вперёд, что у старушки с длинным носом закружилась голова.

Но дверь не открывалась.

Человек в соломенном картузе сказал, что простым гвоздём берется открыть любой замок.

На что старушка с длинным носом сказала, что замки теперь стали делать так плохо, что ворам ничего не стоит открывать и закрывать их просто ногтями.

Тогда молодой человек с сумкой через плечо, из которой торчала свечка и хвост какой-то солёной рыбы, сказал, что французский замок легче всего открыть, если ударить его молотком по затылку. Тогда чугунная коробка треснет и замок откроется сам.

Этажом ниже Петров и Комаров объясняли друг другу, как маляр залез в окно, и как надо хватать человека, если у него в руках охотничье ружье, заряженное крупной дробью.

А дворник всё ещё продолжал бить ногой в дверь.

– Нет, не открывают, – сказал дворник и повернул на голове папаху задом наперёд.

<1934>

61. «Я родился в камыше. Как мышь...»

Я родился в камыше. Как мышь. Моя мать меня родила и положила в воду. И я поплыл. Какая-то рыба с четырьмя усами на носу кружилась около меня. Я заплакал. И рыба заплакала.

Вдруг мы увидели, что плывет по воде каша. Мы съели эту кашу и начали смеяться.

Нам было очень весело, мы плыли по течению и встретили рака. Это был древний, великий рак, он держал в своих клешнях топор.

За раком плыла голая лягушка.

– Почему ты всегда голая? – спросил ее рак. – Как тебе не стыдно?

– Здесь ничего нет стыдного, – ответила лягушка. – Зачем нам стыдиться своего хорошего тела, данного нам природой, когда мы не стыдимся своих мерзких поступков, созданных нами самими?

– Ты говоришь правильно, – сказал рак. – И я не знаю, как тебе на это ответить. Я предлагаю спросить об этом человека, потому что человек умнее нас. Мы же умны только в баснях, которые пишет про нас человек, так что и тут выходит, что опять-таки умен человек, а не мы. – Но тут рак увидел меня и сказал:

– Да и плыть куда не надо, потому что вот он – человек.

Рак подплыл ко мне и спросил:

– Надо ли стесняться своего голого тела? Ты человек и ответь нам.

– Я человек и отвечу вам: не надо стесняться своего голого тела.

<1934>

62. «Американская улица. По улице ходят американцы...»

Американская улица. По улице ходят американцы. Направо касса, над кассой надпись «Мюзик-Холл, Джаз-оркестр М-ра Вудлейга и его жены баронессы фон дер Ключен». Рекламы. К кассе стоит очередь американцев. На сцену выходит Феноров и озирается по сторонам. Все американцы довольно обтрепанные.

Феноров – Это вот значит и есть Америка!.. Да! Ну и Америка!.. Вот это да-а!.. Эй, послушайте!.. Вы!.. Это Америка?

Американец – Йез, Америка.

Феноров – Город Чикаго?

Ам. – Йез, Чикаго.

Феноров – А вы будите Американец?

Ам. – Американец.

Феноров – (*басом*) Вот это да!.. А вон они, это тоже американцы?

Ам. – Американцы.

Феноров – (*фальцетом*) Ишь ты!., (*ниже*) Американцы!.. (*осматриваясь*) А что, скажем, для примера, миллиардеры здесь тоже есть?

Ам. – Этого, друг мой, сколько угодно.

Феноров – А почему вот, для примера, скажем, вы миллиардеры и американцы, а ходите вроде как бы все ободренные?

Ам. – А это всё по причине так называемого кризиса.

Феноров – (*фальц.*). Ишь ты!

Ам. – Право слово, что так!

Феноров – (*бас.*) Вот это да-а!..

Ам. – А позвольте вас спросить... кто вы сами-то будите?

Феноров – Да моя фамелия Феноров, а социальное происхождение – я хрюнцуз.

Ам. – Хм... И что же, парлэ ву франсе?

Феноров – (*фальцетом*) Чивоэто?

Ам. – Да по французски то вы калякаете?

Феноров. – Чиво не можем, того не можем. Вот по американски, этого сколько хош. Это мы умеем!.. А ты мне, добрый человек, скажи лучше, зачем эта вот очередь стоит и чего такое интересное выдают?

Ам. – Не зачем эта очередь не стоит и ничего такого интересного не выдают, а стоит эта очередь за билетами.

Феноров – (*фальцетом*). Ишь ты!

Ам. – Это, видишь ли ты, Мьюзик-Холл, и выступает там сегодня джаз-оркестр знаменитого мистера Вудлейга и его жены, дочери барона фон дел Клюкен.

Феноров – (*басом*) Вот это да-а!.. Спасибо вам!.. Пойду тоже билетик куплю.
(*Идет кпереди*).

(*Длинная очередь американцев к мюзикхольной кассе*).

Феноров – Кто тут последний?

Субъект – Куда лезишь!.. Изволь в очередь встать!..

Феноров – Да я вот и спрашиваю, кто тут последний...

Субъект – Ну ты не очень то тут разговаривай!

Феноров. Кто тут последний?.. (*Трогает за локоть барышню*).

Барышня – Оставьте меня в покое, я вот за этим субъектом стою!..

Субъект – Я вам не субъект, а король мятных лепёшек!..

Феноров – (*фальцетом*) Ишь-ты!

Барышня – Ну, вы полегче, полегче! Я сама королева собачей шерсти!

Феноров – (*басом*) Вот это да-а!

Субъект – Хоть ты и королева собачей шерсти, а мне плевать на это!

Барышня – Подумаешь тоже, мятная лепёшка!

Субъект – Ах ты собачья шерсть!

Цирковой номер.

Драка в очереди. Королева собачей шерсти расправляется с королём мятных лепёшек.

Другие американцы скачат вокруг и кричат:

– «Держу парей: Он – её!..»

– «Держу парей: она – его!»

Внутренность Мьюзик-Холла. Видна эстрада и зрительный зал. Двери распахиваются и в зал врываются ободранные американцы, с криком и гвалтом занимают свои места. Заняв свои места, все застывают и наступает полная тишина. На эстраду выходит конферансье-американец.

Конф – Лэди и джентельмэны! Мы, как есть американцы, то знаем, как провести время. Вот мы тут все собравшись, чтобы маленько повеселиться. А как вас, чертей, рассмешишь! Жуёте своё табак и ризинки и хоть бы хны!.. Нешто вас рассмешишь!.. Куда там!.. Нипочём не рассмешишь!..

Американцы – Ы-ы-ы!.. Ы-ы-ы! Смеяться хотим!

Конф – А как это сделать? Я знаю?

Американцы – (*жалобно*). Ы-ы-ы!..

Конф – Ну хотите я вам смешные рожи покажу?

Американцы – Хотим! Хотим!

Конф. (*Показывает рожу.*

Американцы – (*громко хохочат*) Хы-хы-хы!.. Ой умора! ой ой ой умора!

Конф – Довольно?

Американцы – Ещѐ! Ещѐ!

Конф – Нет, хватит! Сейчас выступит джаз-оркестр под управлением мистера Вудлейка...

Американцы – (*хлопая в ладоши*). Браво! Браво! Урра!

Конф – В джазе участвует жена мистера Вудлейка, баронесса фон дер Клкжен, и их дети! (*Аплодисменты*).

Конферансье уходит. Занавес.

Голос Фенорова из зрительного зала:

Феноров – Это чего такое будет?

Король мят. леп. – (*вскакивая со стула*) Братцы, да ведь это опять он!

Королева собачей шерсти – Опять мятная лепёшка крик поднимает!..

(*Король быстро садится на своё место*).

Королева – (*угрожающе*) Я тебя!

Занавес вновь поднимается.

<1934>

63. Хвастун Колпаков

Жил однажды человек по имени Фёдор Фёдорович Колпаков.

– Я, – говорил Фёдор Фёдорович Колпаков, – ничего не боюсь! Хоть в меня из пушки стреляй, хоть меня в воду бросай, хоть меня огнём жги – ничего я не боюсь! Я и тигров не боюсь, и орлов не боюсь, и китов не боюсь и пауков не боюсь, – ничего я не боюсь!

Вот однажды Фёдор Фёдорович Колпаков стоял на мосту и смотрел, как водолазы в воду опускаются. Смотрел, смотрел, а потом, когда водолазы вылезли из воды и сняли свои водолазные костюмы, Фёдор Фёдорович не утерпел и давай им с моста кричать:

– Эй, – кричит, – это что! Я бы ещё и не так мог! Я ничего не боюсь! Я и тигров не боюсь, и орлов не боюсь, и китов не боюсь и пауков не боюсь, – ничего я не боюсь! Хоть меня огнём жги, хоть в меня из пушки стреляй, хоть меня в воду бросай – ничего я не боюсь!

– А ну-ка, – говорят ему водолазы, – хочешь попробовать в воду спуститься?

– Зачем же это? – говорит Фёдор Фёдорович и собирается прочь уйти.

– Что, брат, струсил? – говорят ему водолазы.

– Ничего я не струсил, – говорит Фёдор Фёдорович, – а только чего же я под воду полезу?

– Боишься! – говорят водолазы.

– Нет, не боюсь! – говорит Фёдор Фёдорович Колпаков.

– Тогда надевай водолазный костюм и полезай в воду.

Опустился Фёдор Фёдорович Колпаков под воду. А водолазы ему сверху в телефон кричат:

– Ну как, Фёдор Фёдорович? Страшно?

А Фёдор Фёдорович им снизу отвечает:

– Няв... няв... няв...

– Ну, – говорят водолазы, – хватит с него.

Вытащили они Фёдора Фёдоровича из воды, сняли с него водолазный костюм, а Фёдор Фёдорович смотрит вокруг дикими глазами и всё только «няв... няв... няв...», говорит.

– То-то, брат, зря не хвастай, – сказали ему водолазы и ссадили его на берег.

Пошёл Фёдор Фёдорович Колпаков домой и с тех пор больше никогда не хвастал.

<1934>

64. Дуэт. Дербантова и Кукушин-Дергушин

Дербантова (*бегая по саду и тыча пальцем в разные стороны*): Жик! Жик! Жик!

Кукушин-Дергушин: Что-то вы, Анна Павловна, больно разошлись.

Дербантова: Жик! Жик! Жик!

К.-Д.: Анна Павловна!

Дерб. (*останавливаясь*): Что?

К.-Д.: Я говорю, что вы, Анна Павловна, больно разошлись.

Дерб.: Нет.

К.-Д.: Что нет?

Дерб.: Не разошлась.

К.-Д.: То есть как?

Дербантова: Да вот так, не разошлась!

К.-Д.: Странно.

Дерб.: Очень.

К.-Д. (*подумав*): Анна Павловна!

Дерб.: Что?

К.-Д.: Видите ли, Анна Павловна, вы человек уже не молодой, я тоже.

Дерб.: Я помоложе вас.

К.-Д.: Ну да, конечно помоложе!

Дерб.: Ну то-то же!

К.-Д. (*раскланиваясь в публику*): Первое действие закончено.

Дерб.: Теперь начнём второе действие.

К.-Д.: Начинаем!

Дербантова (*тыкая пальцем во все стороны*): Жик! Жик! Жик!

Кукушин-Дергушин: В ваши лета, Анна Павловна, так шалить не полагается.

<1930–1934>

65. «Старичок чесался обеими руками...»

Старичок чесался обеими руками. Там, где нельзя было достать обеими, старичок чесался одной, но зато быстро-быстро. И при этом быстро мигал глазами.

* * *

Из паровой трубы шел пар, или так называемый дым. И нарядная птица, влетая в этот дым, вылетала из него обсосанной и помятой.

* * *

Хвилищевский ел клюкву, стараясь не морщиться. Он ждал, что все скажут: «Какая сила характера!» Но никто не сказал ничего.

* * *

Было слышно, как собака обнюхивала дверь. Хвилищевский зажал в кулаке зубную щетку и тарасил глаза, чтобы лучше слышать. «Если собака войдет, – подумал Хвилищевский, я ударю ее этой костяной ручкой прямо в висок!»

* * *

...Из коробки вышли какие-то пузыри. Хвилищевский на цыпочках удалился из комнаты и тихо прикрыл за собой дверь. «Черт с ней! – сказал себе Хвилищевский. – Меня не касается, что в ней лежит. В самом деле! Черт с ней!»

* * *

Хвилищевский хотел крикнуть: «Не пуцу!» Но язык как-то подвернулся и вышло: «не пустю». Хвилищевский прищурил правый глаз и с достоинством вышел из зала. Но ему всё-таки показалось, что он слышал, как хихикнул Цуккерман.

<1933–1934>

Разница в росте мужа и жены

Муж: Я выпорол свою дочь, а сейчас буду пороть жену.

Жена и дочь (*из-за двери*): Бэбэбэбэбэ! Мэмэмэмэмэ!

Муж: Иван! Камердинер Иван!

(*Входит Иван. У Ивана нет рук.*)

Иван: Так точно!

Муж: Где твои руки, Иван?!

Иван: В годы войны утратил их в пылу сражения!

<1933–1914>

1935

67. История

Абрам Демьянович Пентопасов громко вскрикнул и прижал к глазам платок.

Но было поздно. Пепел и мягкая пыль залепила глаза Абрама Демьяновича. С этого времени глаза Абрама Демьяновича начали болеть, постепенно покрылись они противными болячками, и Абрам Демьянович ослеп.

Слепому инвалида Абрама Демьяновича вытолкали со службы и назначили ему мизерную пенсию в 36 рублей в месяц.

Совершенно понятно, что этих денег не хватало на жизнь Абраму Демьяновичу. Кило хлеба стоило рубль десять копеек, а лук-порей стоил 48 копеек на рынке.

И вот инвалид труда стал все чаще прикладываться к выгребным ямам.

Трудно было слепому среди всей шелухи и грязи найти съедобные отбросы.

А на чужом дворе и саму-то помойку найти нелегко. Глазами-то не видеть, а спросить: где тут у вас помойная яма? – как-то неловко.

Оставалось только нюхать.

Некоторые помойки так пахнут, что за версту слышно, другие, которые с крышкой, совершенно найти невозможно.

Хорошо, если дворник добрый попадет, а другой так шуганет, что всякий аппетит пропадет.

Однажды Абрам Демьянович залез на чужую помойку, а его там укусила крыса, и он вылез обратно. Так в тот день и не ел ничего.

Но вот как-то утром у Абрама Демьяновича что-то отскочило от правого глаза.

Абрам Демьянович потерял этот глаз и вдруг увидел свет. А потом и от левого глаза что-то отскочило, и Абрам Демьянович прозрел. С этого дня Абрам Демьянович пошел в гору.

Всюду Абрама Демьяновича нарасхват.

А в Наркомтяжпроме, так там Абрама Демьяновича чуть не на руках носили.

И стал Абрам Демьянович великим человеком.

Даниил Хармс

8 января 1935

68. Карьера Ивана Яковлевича Антонова

Это случилось ещё до революции.

Одна купчиха зевнула, а к ней в рот залетела кукушка.

Купец прибежал на зов своей супруги и, моментально сообразив, в чем дело, поступил самым остроумным способом.

С тех пор он стал известен всему населению города и его выбрали в сенат.

Но прослужив года четыре в сенате, несчастный купец однажды вечером зевнул, и ему в рот залетела кукушка.

На зов своего мужа прибежала купчиха и поступила самым остроумным способом.

Слава о ее находчивости распространилась по всей губернии, и купчиху повезли в столицу показать метрополиту.

Выслушав длинный рассказ купчихи, метрополит зевнул, и ему в рот залетела кукушка.

На громкий зов метрополита прибежал Иван Яковлевич Григорьев и поступил самым остроумным способом.

За это Ивана Яковлевича Григорьева переименовали в Ивана Яковлевича Антонова и представили царю.

И вот теперь становится ясным, каким образом Иван Яковлевич Антонов сделал себе карьеру.

*Даниил Хармс
8 января 1935 года.*

69. Праздник

На крыше одного дома сидели два чертежника и ели гречневую кашу.

Вдруг один из чертежников радостно вскрикнул и достал из кармана длинный носовой платок. Ему пришла в голову блестящая идея – завязать в кончик платка двадцатикопеечную монетку и швырнуть все это с крыши вниз на улицу, и посмотреть, что из этого получится.

Второй чертежник, быстро уловив идею первого, доел гречневую кашу, высморкался и, облизав себе пальцы, принялся наблюдать за первым чертежником.

Однако внимание обоих чертежников было отвлечено от опыта с платком и двадцатикопеечной монеткой. На крыше, где сидели оба чертежника, произошло событие, не могущее быть незамеченным.

Дворник Ибрагим приколачивал к трубе длинную палку с выцветшим флагом.

Чертежники спросили Ибрагима, что это значит, на что Ибрагим отвечал:

«Это значит, что в городе праздник».

– «А какой же праздник, Ибрагим?» – спросили чертежники.

«А праздник такой, что наш любимый поэт сочинил новую поэму», – сказал Ибрагим.

И чертежники, устыженные своим незнанием, растворились в воздухе.

*Даниил Хармс
9 января 1935*

70. Неожиданная попойка

Однажды Антонина Алексеевна ударила своего мужа служебной печатью и выпачкала ему лоб печатной краской.

Сильно оскорбленный Петр Леонидович, муж Антонины Алексеевны, заперся в ванной комнате и никого туда не пускал.

Однако жильцы коммунальной квартиры, имея сильную нужду пройти туда, где сидел Петр Леонидович, решили силой взломать запертую дверь.

Видя, что его дело проиграно, Петр Леонидович вышел из ванной комнаты и, пройдя к себе, лег на кровать.

Но Антонина Алексеевна решила преследовать своего мужа до конца. Она нарвала мелких бумажек и посыпала ими лежащего на кровати Петра Леонидовича...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.